

Михаил Палев

Кольцо Соломона



Артефакт & Детектив

Михаил Палев

Кольцо Соломона

«Палев Михаил»

2009

Палев М.

Кольцо Соломона / М. Палев — «Палев Михаил»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-38000-8

Валерий Тавров – сыщик с огромным стажем, человек во всех смыслах земной. Однако почему-то, уже не в первый раз, он вынужден распутывать дела, в которых участвуют колдуны и члены древних орденов, охраняющих границы между мирами людей и демонов. Вот и сейчас он и верит, и не верит в то, что найденное кольцо царя Соломона способно навлечь на своего обладателя бесконечную вереницу проблем и напастей. Однако это так! Расследование страшных смертей, таинственные исчезновения, перспектива собственной гибели – вот что ожидает Таврова. Прежде всего ему придется найти пропавшего два года назад отца Иоанна Белиссенова. Он единственный оставшийся в живых, кто знает точно, где хранится кольцо...

ISBN 978-5-699-38000-8

© Палев М., 2009
© Палев Михаил, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кольцо Соломона

Артефакт-детектив

Михаил Палев

*Посвящаю моей матушке
З.С. Гнителиной*

*Выражаю искреннюю признательность
за ценные замечания
первому читателю романа
Владу Кудасову.*

Автор

Глава 1

Бывают в жизни предчувствия. Слышишь звонок в дверь или мелодию мобильного, сигнализирующую о «неизвестном абоненте», – и сердце непонятно почему вдруг сжимается в комок.

Тавров едва отпил глоток утреннего кофе, когда Катя сообщила:

– Валерий Иванович! Звонок по городскому. Ответите?

– Кто? – недовольно осведомился Тавров, едва не поперхнувшись.

– Следователь Скавронов, – сообщила Катя. – Вам это имя что-нибудь говорит?

– Ничего, – проворчал Тавров, отставляя кружку. Имя действительно ничего не говорило, но сердце вдруг забилося от нехорошего предчувствия. Такое с ним однажды было: шел по знакомой тропинке к дому через пустырь, и вдруг сердце точно так же внезапно затрепетало. Он тогда остановился, достал карманный фонарик, осветил себе под ноги и обнаружил неведомо откуда возникший, будто выросший посреди тропинки арматурный прут: еще шаг, и он бы, споткнувшись о железку, нанизался на нее, как кусок мяса на шампур. Вот сейчас у Таврова возникло такое же ощущение. Детектив стряхнул незваное воспоминание и решительно сказал:

– Соединяй!

В трубке раздался уверенный мужской голос:

– Вас беспокоит следователь Следственного комитета Генеральной прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Скавронов Виталий Сергеевич.

– Полковник милиции в отставке Тавров Валерий Иванович слушает вас, – в тон ему отозвался Тавров.

– Я бы хотел с вами встретиться, Валерий Иванович, – сообщил Скавронов. – Мне не хотелось бы приглашать вас к себе в служебный кабинет, поэтому давайте пообщаемся где-нибудь на нейтральной территории.

– У кого-то из моих клиентов неприятности? – с подозрением осведомился Тавров. Только Следственного комитета ему не хватало!

– Нет! Пока еще нет, – коротко усмехнулся Скавронов. – Я бы так сказал: дела давно минувших дней. Итак, где мы увидимся?

– Приезжайте ко мне, – предложил Тавров. – Офис частного детективного агентства – как раз и есть искомая нейтральная территория.

Скавронов тут же согласился, словно ожидал предложения.

– Я готов. Сегодня в три часа. Вас устраивает?

Застигнутый врасплох Тавров понял, что любая попытка перенести встречу будет воспринята как уклонение. А она, в свою очередь, может породить ненужные вопросы. Омерзительность лишних вопросов – особенно со стороны следователя прокуратуры – заключается не столько в их смысле, а в самом факте возникновения. Поэтому Тавров без колебаний ответил:

– Жду!

* * *

Скавронов появился в офисе Таврова в пять минут четвертого.

– Хотел бы сразу понять: чем моя скромная персона могла заинтересовать старшего советника юстиции? – сразу перешел к делу Тавров.

– Исключительно в связи с событиями далекого прошлого! – широко улыбнулся Скавронов, усаживаясь в кресло напротив Таврова. – Дело в том, Валерий Иванович, что новый патриарх обратился к Генеральному прокурору с просьбой снова открыть дело об исчезновении священника Русской православной церкви отца Иоанна, в миру Владимира Андреевича Белиссенова. Генеральный прокурор распорядился, делом поручено заниматься мне. В связи с этим провожу опрос свидетелей. Поскольку среди них мелькнула ваша фамилия, то мой визит вполне естествен.

– Да, разумеется, – кивнул Тавров. – Только непонятно, чем я могу оказаться полезен: в свое время я дал исчерпывающие показания, они должны быть зафиксированы в материалах дела.

– Валерий Иванович! Я, конечно, читал дело, – заметил Скавронов. – Но вы, как человек с большим опытом работы в органах внутренних дел, должны понимать, что многое нуждается в уточнении. Я уже беседовал с рядом свидетелей, теперь вот добрался до вас.

– Ну, раз так... Спрашивайте! Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Скавронов. – Итак, расскажите: почему в день исчезновения отца Иоанна вы оказались на территории завода?

– Ко мне обратился офицер запаса Сергей Воронцов, – начал рассказывать Тавров. – Он сообщил, что его дочь и ее жених попали под влияние религиозной секты «Церковь Истинного Катарсиса» и живут в общежитии секты на территории обанкротившегося завода. Воронцов обратился ко мне с просьбой вырвать его дочь из лап сектантов. Воронцов сообщил, что общину возглавляет человек, именуемый себя Иоанн Параклетограф. Воронцову также удалось узнать настоящую фамилию Параклетографа: Белиссенов. Я решил навести справки о секте и ее главе. Когда я случайно узнал, что моего знакомого отца Иоанна в миру именуют Владимир Андреевич Белиссенов, то заподозрил неладное.

– Вы решили, что именно отец Иоанн возглавляет секту? – догадался Скавронов.

– Нет, мне это казалось маловероятным, – отрицательно качнул головой Тавров. – Хотя, разумеется, такую вероятность, какой бы дикой она ни представлялась, исключать было нельзя. Хотя я склонялся к мысли, что Белиссенова просто подставляют. Очевидно, шла какая-то хитрая игра. Очень нехорошая. В любом случае привлечь к расследованию отца Иоанна было бы неразумно. Я решил ограничиться помощью людей, пострадавших от действий сектантов: Воронцова и Валовича. Племянник Валовича и был тем самым другом дочери Воронцова, вместе с которым она ушла из семьи.

– И что же вы решили предпринять? – поинтересовался следователь. – Взять штурмом резиденцию сектантов? Ведь Воронцов – бывший офицер спецназа, ему это дело знакомо.

– Нет! Что вы! – возмутился Тавров. – Я все-таки столько лет провел на страже закона, что не допустил бы такого в принципе. Нет! Дело в том, что Воронцов узнал: в этот день глава секты собирается провести какой-то очень важный обряд, к которому сектанты готовились,

как к Апокалипсису. Воронцов боялся, что после этого обряда он потеряет дочь навсегда, что с ней случится что-то непоправимое. И я с ним согласился: от этих психов можно всего ожидать! Вдруг они решили принести девушку в жертву во время ритуала? И мы решили действовать. Мы просто вынуждены были...

– Так каков же был план? – нетерпеливо прервал объяснения Таврова Скавронов.

– Проникнуть в помещение, где сектанты будут проводить свой ритуал, и помешать его проведению, – сообщил Тавров. – Это как минимум. Главное: освободить и увести с собой дочь Воронцова и племянника Валовича.

– План вполне реальный, но при одном условии: если в состав группы вы включили бы Рэмбо, – иронически заметил Скавронов. – Ах, Валерий Иванович! Неужели вы не понимали, что это авантюра?

– Отчего же?! – не согласился Тавров. – Воронцов тщательно продумал, как незаметно для охраны проникнуть в нужное помещение, как быстро отойти. Это не было авантюрой! Просто рискованная операция. Но другого выхода не было: ОМОН нам никто не дал бы. И, кстати, вначале все шло по плану. Но затем решивший действовать самостоятельно отец Иоанн спутал нам карты: он переполошил охрану и главаря секты. Они убили Валовича, а нас схватили. Кстати, именно главарь секты сообщил нам, что хотел бросить тень на Белиссенова, поэтому специально разыграл целый спектакль, где на собраниях секты под именем Белиссенова выступал с лекциями специально нанятый актер.

– Откуда вы узнали настоящее имя главаря? – спросил Скавронов.

– Когда нас схватили и привели попавшего в ловушку отца Иоанна, тот сказал: я, дескать, тебя подозревал давно и знаю, что ты бывший католический священник Альгимантас Бломбергис.

– Вот как! И что же Бломбергис?

– Он это подтвердил и злорадно отметил, что ему все-таки удалось всех нас опередить и он проведет ритуал, а мы умрем.

– Вот как? – недоверчиво улыбнулся Скавронов. – Но, как я знаю, все уцелели, за исключением отца Иоанна и самого Бломбергиса. Как же это хитрец так оплошал?

– Недооценил жадность сообщников, – пояснил Тавров. – Двое охранников Бломбергиса решили, что в его сейфе хранятся ценности и касса. Они убили Бломбергиса и, оставив нас связанными в зале, отправились в кабинет открывать сейф.

– А что делали в это время остальные сектанты? Стояли и смотрели, как убивают их гуру? – удивился Скавронов.

– Ничего они не делали! Ничего они не могли делать в принципе! Все, кроме Бломбергиса и охранников, были чем-то одурманены и находились словно в ступоре, – объяснил Тавров.

– Хорошо, я понял... Давайте дальше! – предложил Скавронов.

– Нам удалось освободиться, мы выбрались на крышу тем же путем, которым прошли, – продолжил рассказ Тавров. – И тут увидели, что в здании административного корпуса начался пожар. Появилось пламя, раздался странный дикий рев.

– Что за рев? – насторожился Скавронов. – На что он был похож?

– На что похож? – задумался Тавров. – Я слышал нечто подобное однажды, когда расследовал дело в Московском авиационном институте. Именно такой чудовищный звук.

– И что же это было? – нетерпеливо спросил Скавронов.

– Мне объяснили, что с таким ревом вырывается воздух из баллонов в сверхзвуковой аэродинамической трубе, – объяснил Тавров.

– Вот как... – озадаченно потер лоб Скавронов. – Нет, на территории завода не было аэродинамической трубы – тем более работающей. Впрочем, надо уточнить... мало ли что... Итак, что было после того, как вы услышали звук? Кстати, откуда он раздавался?

– Со стороны того же административного корпуса, – пояснил Тавров. – Как только это началось, отец Иоанн тут же схватил трос и побежал туда. Он забрался на крышу административного корпуса и спустился в окно кабинета Бломбергиса. И почти сразу – сильный взрыв. Вот все, что я могу рассказать.

– Давайте уточним некоторые подробности, – предложил Скавронов. – Я уже беседовал с Воронцовым, так что теперь можно сопоставить показания. Итак, вопрос первый: что за книга хранилась в кабинете Бломбергиса?

– Книга? – изобразил удивление Тавров.

– Один из охранников Бломбергиса на вопрос отца Иоанна о книге сообщил, что – цитирую: «большая книга с обрывком цепи» хранится в кабинете Бломбергиса. Это показал Воронцов. Но никаких следов «большой книги» в кабинете не обнаружили. Там вообще ничего не было, кроме пустого сейфа. Куда же делась пресловутая книга и почему она так заинтересовала Белиссенова?

– Насчет книги ничего не знаю, – твердо заявил Тавров, выдерживая испытующий взгляд Скавронова. Тот улыбнулся и продолжил:

– Ладно, тогда переходим ко второму вопросу: куда делось кольцо Соломона?

* * *

Скавронов уставился на Таврова таким пристальным немигающим взглядом, что тому стало немного не по себе.

– Что вы имеете в виду? – попробовал увильнуть Тавров.

– Я имею в виду кольцо, которое Бломбергис снял с руки Белиссенова и которое потом Белиссенов снял с пальца мертвого Бломбергиса, – пояснил Скавронов.

– А-а! Кольцо помню, – согласился Тавров. – Темно-серого металла, вроде печаткой. Еще помню, как Бломбергис отобрал его у отца Иоанна. Да, точно: Бломбергис назвал его «кольцом Соломона». Но куда оно делось, я не знаю.

– Оно исчезло с трупа Бломбергиса, – ответил Скавронов. – Когда труп осматривали, кольца не обнаружили. И Воронцов вспомнил, что кольцо с пальца Бломбергиса снял Белиссенов.

– Извините, но я этого не помню! – решительно заявил Тавров.

– Не помните, так и ладно! – неожиданно примирительно произнес Скавронов. – Этот вопрос мы обсудим потом, с ним тоже много неясного... А пока давайте лучше вернемся к событиям, предшествовавшим исчезновению Белиссенова. Итак, Белиссенов проник в окно кабинета Бломбергиса, почти сразу раздался взрыв. Сколько длилось это «почти»? Секунда, две?

– Скорее секунд пять-семь, – немного подумав, ответил Тавров.

– Угу, действительно немного... А как вы полагаете, почему произошел взрыв? – спросил Скавронов. – Что было причиной?

– Откуда я могу знать?! – недоуменно пожал плечами Тавров. – Видимо, охранники Бломбергиса хотели взорвать сейф и не рассчитали.

– Вполне логичное предположение, правда, есть одно «но», – сообщил Скавронов. – Дверца сейфа действительно оказалась сорвана как будто взрывной волной. Но экспертиза не обнаружила никаких следов взрывчатых веществ.

– Возможно, взломщики закачали в сейф смесь газов, – предположил Тавров.

– В таком случае должны были бы остаться баллоны, а их также не наблюдалось, – возразил Скавронов.

– Тогда действительно загадка, – сдержанно прокомментировал Тавров.

– И не самая интригующая, – заметил Скавронов. – Есть вещи более непонятные. Сейф оказался абсолютно пуст. Взломщики ничего не смогли унести, так как погибли при взрыве. Эксперты не обнаружили ни обгоревших денег, ни документов, ни драгоценностей. Странно, не правда ли? Ладно, предположим, что все унес исчезнувший отец Иоанн Белиссенов. Но как же ему удалось выжить при взрыве? Как он сумел незаметно исчезнуть из административного корпуса? И самый главный вопрос: если Белиссенову удалось уцелеть, почему он предпочел незаметно скрыться?

– Хорошо, если так, – вздохнул Тавров.

– Что вы имеете в виду? – вопросительно уставился на него Скавронов.

– Хорошо бы, если бы он остался жив, – пояснил Тавров. – Что, если он погиб, но тело просто не сумели обнаружить? Или его похитили уцелевшие сообщники Бломбергиса?

– Да, последняя версия имеет право на существование, – неожиданно согласился Скавронов. – Тем более что она подкреплена убедительным фактом.

– Каким фактом?

– Исчезновением тела Бломбергиса.

– Позвольте! Как это возможно?! – изумился Тавров. – Ведь труп осматривали, фотографировали...

– Вот именно! – подтвердил Скавронов. – Осмотрели, сфотографировали, вызвали труповозку, погрузили тело, после чего труповозка вместе с мертвецом словно растворилась в воздухе! Кстати, так и не удалось выяснить, откуда она взялась. Вот я и говорю: не исключено, что те, кто похитил тело Бломбергиса, похитили и Белиссенова.

– Но кому это могло понадобиться? – с недоумением воскликнул Тавров.

– Тело Бломбергиса вряд ли могло представлять ценность для кого-либо, кроме его фанатичных последователей, – предположил Скавронов. – А Белиссенова они прихватили, чтобы свести с ним счеты. Единственное, что я могу утверждать, так это что он не погиб в тот же день.

– Вы уверены? Почему? – осведомился Тавров.

Вместо ответа Скавронов протянул ему свернутый вдвое стандартный лист бумаги. На ней виднелась всего одна строчка, но Тавров сразу узнал почерк: четкий наклон влево, резкие переходы между буквами, но при этом буквы словно выровнены по линейке. Это был почерк отца Иоанна.

* * *

– Что вы можете сказать? – спросил Скавронов.

– Очень похоже на почерк отца Иоанна, – сделал вывод Тавров.

– То, что это письмо написано рукой Белиссенова, однозначно определила экспертиза, поэтому речь не об этом, – нетерпеливо заметил Скавронов. – Что вы скажете о содержании?

Тавров прочитал строчку еще и еще раз. Удивленно поднял брови и вернул листок Скавронову.

– Что я могу сказать? Это лишено смысла. Или, точнее говоря, смысл скрыт от моего понимания.

– Но ведь это же должно что-то означать! – с досадой воскликнул Скавронов. – Давайте задумаемся: «У медведя деревянная лапа хранит то, что тебе нужно, но остерегайся пасти». Что это за медведь с деревянным протезом, пасти которого следует остерегаться?

– Об этом лучше спросить того, кому адресовано послание, – резонно заметил Тавров. – Поэтому для начала следует выяснить, кто это.

– Как раз это я знаю! – ответил Скавронов. – Только у покойника ничего уже не выяснишь.

– Еще один покойник? Что-то много трупов вокруг отца Иоанна, – вполголоса пробормотал Тавров.

– Что? Что вы сказали?

– Ничего! Мысли вслух, – пояснил Тавров. – И некоему таинственному адресату отправил послание отец Иоанн?

– Речь идет о некоем Федоре Ивановиче Федорове, 1952 года рождения, уроженце села Донце Порховского района Псковской области, несудимом, непривлекавшемся. Его люди обычно называли Федун, – сообщил Скавронов и тут же спросил:

– Белиссенов что-нибудь говорил о нем? Или просто упоминал в связи с чем-нибудь?

– Никогда не слышал! – отрицательно мотнул головой Тавров.

– А не ездил ли Белиссенов на Псковщину или в Новгородчину? – продолжал допытываться Скавронов.

– Возможно, что и ездил, – с некоторым раздражением ответил Тавров: ему уже надоели бесконечные и непонятные вопросы Скавронова. – Вот только мне об этом ничего не известно. Гораздо лучше меня отца Иоанна знает Ефросинья Пустовойтова, так что вам лучше ее спросить. Она сейчас находится в подмосковном монастыре. Я объясню, как добратся.

Тавров потянулся было за листком бумаги, но Скавронов жестом остановил его.

– Не стоит, Валерий Иванович! Я уже ездил туда и говорил с Пустовойтовой, – с иронией отозвался Скавронов. – Все мои вопросы об отце Иоанне она оставила без ответа и лишь на мой вопрос: «Как найти Белиссенова» – ответила: «Валера знает». Поэтому я и пришел к вам.

– Понятно! Значит, будем искать, – вздохнул Тавров и решил наконец взять инициативу разговора в свои руки. – Давайте теперь я задам вам несколько вопросов. Первый: откуда у вас письмо, написанное рукой отца Иоанна, и почему вы считаете, что оно адресовано пресловутому Федуну?

– То, что письмо Федуну, сомнений не вызывает, – уверенно заявил Скавронов. – Письмо было вложено в небольшую бандероль, присланную в почтовое отделение города Порхова на имя Федора Ивановича Федорова. И Федоров эту бандероль получил. То, что Федоров и есть Федун, сомнений не вызывает: его хорошо запомнила работница почты, выдававшая бандероль.

– У них там в Порхове так мало работы, что каждая бандероль – событие? – усмехнулся Тавров.

– Работы хватает, как и у всех, кто за зарплату трудится, – парировал Скавронов. – Просто не каждый день в Порхов для жителя глухого села приходят бандероли из Праги. Вот и запомнила.

– Бандероль из Чехии?! – удивился Тавров. – Ничего не понимаю! А точно в ней лежало это письмо?

– Точнее некуда! – заверил Скавронов. – Работница почты опознала Федорова по предъявленной фотографии и точно вспомнила: он тут же вскрыл бандероль, достал оттуда нечто вроде статуэтки, внимательно оглядел ее и спрятал в карман; затем достал письмо, прочитал его и тоже положил в карман. И ушел.

– То есть в бандероли ничего не было, кроме некой статуэтки и письма?

– Во всяком случае, работница почты утверждает, что получатель больше ничего из бандероли не доставал. Кстати, при обыске в доме Федун мы нашли то, что она назвала статуэткой.

Скавронов достал из кармана и протянул Таврову странный предмет, похожий даже не на статуэтку, а на окатанную морскими волнами гальку. При ближайшем рассмотрении Тавров увидел, что это не галька, а вполне рукотворный предмет белого цвета размером с небольшую грушу. Тавров постучал ногтем по шероховатой поверхности.

– Алебастр, – пояснил Скавронов. – Кто-то вылепил эту штуку из алебастра. Только непонятно зачем.

– А адрес отправителя был указан?

– А как же!

– И что? Вы его проверили?

– Разумеется! В Праге по этому адресу находится русскоязычная газета «Чехия сегодня», и никто из редакции не подозревает о существовании Федорова из деревни Донце. Очевидно, отправитель указал первый попавшийся адрес. Скажем, реквизиты редакции. Газету «Чехия сегодня» легко найти в самолетах, поездах и даже автобусах, выполняющих рейсы из Чехии в Россию, Белоруссию и Украину.

– Вот как? Н-да... А у вас лично есть какие-нибудь соображения по поводу этого куса алебастра? – поинтересовался Тавров у Скавронова.

– Если бы я знал, что это означает, то вряд ли пришел к вам, – резонно заметил Скавронов. – Этот кусок алебастра и записка с похожей на бред фразой отнюдь не были загадкой для Федуна. И писавший записку Белиссенов не сомневался, что Федун его поймет. Неужели только эти двое знали, о чем идет речь? Эх, узнать бы, где они пересекались и по какому поводу, – тогда дело сдвинулось бы с мертвой точки! Жаль, Федун ничего не расскажет.

– А как он умер?

– Плохо он умер, – мрачно ответил Скавронов. – Никому такого не пожелаешь. Даже врагу. Дело в том, что на Псковщине – да и в Новгородчине тоже – много мест, где после Отечественной войны нога человека не ступала. Это понятно: деревни и села оказались уничтожены в ходе боевых действий и карательных операций немецких оккупантов; оставшиеся в живых подались в города или уцелевшие села, где можно было прокормиться и выжить. Последующая демографическая ситуация – да и политика государства идиотская – не способствовала любви деревенских жителей к своей малой родине. Вот в селе Донце и осталось из коренных жителей только две старухи да Федун. Еще лет десять назад приехал туда жить в родительский дом военный пенсионер, отставной полковник Зверев. Вот и все! Есть еще домов пять-шесть, которые дачники купили, так они на лето только приезжают. Километров десять по грунтовке до шоссе и там еще двадцать до города Порхова. Глухомань, короче! Вот такая диспозиция.

– Диспозиция ясна, – сухо улыбнулся Тавров. – Переходите к событиям. Зачем вас туда занесло? Псковские следки сами не справляются?

– Я был в командировке в Порхове, расследовал убийство районного прокурора, – пояснил Скавронов. – И тут вдруг приходит сообщение: убийство в лесу возле деревни Донце. Зверское убийство: человека насадили на кол. Приходилось когда-нибудь видеть?

Глава 2

– Это как на кол? – опешил Тавров. – В каком смысле?

– В прямом. Насадил на тонкий кол и вкопал в землю, – пояснил Скавронов. – Аккуратно так насадили: кол не вышел наружу, а застрял в основании черепа. Когда делали вскрытие, то обнаружилось, что кол заканчивался съемным деревянным наконечником: когда кол извлекли из тела, то наконечник намертво застрял в теле. Тут вообще есть несколько странностей: если верить описаниям казни «сажание на кол», то обычно кол выходил наружу из плеча казнимого или под мышкой, а тут...

– Избавьте меня от патологоанатомических подробностей, – поморщился Тавров. – Убийство изуверское, только непонятно, почему вас к нему пристегнули.

– А я сам, как вы выразились, «пристегнулся», – ответил Скавронов. – Сразу помчался в это Донце. Знаете почему? Потому, что за последние полгода два точно таких же убийства были совершены в Москве и Подмосковье. Точно так же жертвы аккуратно нанизаны на тонкий кол, увенчанный съемным деревянным наконечником, остающимся в теле жертвы после извлечения орудия убийства.

– Наконечник, надо полагать, осиновый? – поинтересовался Тавров.

– Совершенно верно, – подтвердил Скавронов. – Вот вы тоже заподозрили некий ритуал! И недалеко от истины. Проведенное расследование показало, что убитые в Москве и Подмосковье женщина и мужчина позиционировали себя как ведьма и колдун, промышляли разного рода «приворотами-отворотами» и прочими подобного рода вещами. Да и сам Федун пользовался репутацией колдуна далеко за пределами не только родного села, но и Порховского района.

– И вы решили, что неизвестные московско-подмосковные борцы с колдунами и ведьмами добрались до псковской глухомани?

– Разумеется! Уж больно характерный почерк!

– А если работал имитатор?

– После двух почти не освещенных в прессе случаев – сразу имитатор? Нет, имитаторы любят громкие преступления, большие серии! – убежденно заявил Скавронов. – Так что связь налицо.

– И какие успехи в расследовании?

– Для начала я отработал дачников из Москвы: есть там две семьи, купили дома в Донце в погоне за уединенностью и экологией. Но это ничего не дало. Зато отставник Зверев сказал, что за неделю до убийства Федун он видел в лесу, недалеко от деревни, черный «Мицубиси Паджеро». А дело в том, что к нему в гости приятель наезжает точно на такой же машине, московский профессор Жарков. Приятель накануне в Псков уехал, и Зверев обеспокоился: как это его машина вдруг в лесу оказалась? Ну и пошел выяснять, а как приблизился, из машины вышел парень лет тридцати пяти: накачанный, в кожаной куртке и спортивных штанах. Велел Звереву убираться, и тот счел за благо не вступать в дискуссию, а поскорее исчезнуть, поскольку решил, что это псковская братва на стрелку приехала.

– А наш осмотнительный отставник номер запомнил?

– Нет, номера были грязью заляпаны.

– Как и следовало ожидать! – констатировал Тавров. – Ну а парня этого он хоть опознать сможет?

– Фоторобот составили. В Порховском РОВД оперативники уверенно сказали, что не из местных. В ГИБДД припомнили, что видели пару раз черный «Мицубиси Паджеро» с москов-

скими номерами, но не принадлежащий Жаркову. Правда, инспекторы ГИБДД, похоже, памятью на лица не отличаются.

– Да уж... – проворчал Тавров. – Тут тупик. Но ведь кто-то сейчас у вас на подозрении есть? Ладно, москвичей отработали, но ведь в Донце еще люди остались, не так ли? Очевидно: если бы эти на черном «Паджеро» долго выслеживали Федуну с целью убийства, то их бы обязательно видел бы не один Зверев, да и не один раз.

– То есть вы хотите сказать, что у них свой осведомитель в Донце должен быть? – спросил Скавронов.

– Именно! И необязательно из дачников. Кстати, Федун часто ездил в Порхов или еще куда?

– В Порхов ездил раз в неделю на мотоцикле. Был у него старый «Урал», в сарае возле дома стоял. А вот примерно за месяц до смерти попросил Жаркова подвезти его до станции Дно. Там купил билет на поезд до Санкт-Петербурга и действительно туда поехал. Спустя две недели снова поездом приехал до станции Дно и, видимо, там нанял машину заезжего жителя Пскова, чтобы тот довез его до Донца. И вернулся обратно в деревню лишь через неделю. И что интересно: приехал на частной машине с псковскими номерами, да еще водителю деньги заплатил.

– А далеко от Дна до Донце? – спросил Тавров, улыбнувшись невольному каламбуру.

Скавронов тоже усмехнулся и ответил:

– Если по расстоянию брать, то километров шестьдесят будет. С учетом состояния дорог такой путь в один конец займет часа полтора. Да и чтобы повезли в такую глушь, оба конца придется оплатить. Не меньше восьмисот рублей выйдет. Очень приличные деньги по местным меркам!

– Похоже, при деньгах вернулся Федун из поездки, – заметил Тавров.

– Зверев сообщил, что Федун вернулся из поездки явно навеселе и в хорошем расположении духа, – подтвердил Скавронов. – И деньги у него были: на следующий день он долг отдал Звереву, полторы тысячи рублей.

– А когда получил бандероль из Чехии?

– За пять дней до поездки в Питер. Это точно: я по почтовым документам проверял.

– На чем же он так разбогател? Не выяснили?

Скавронов развел руками.

– Мы при обыске в доме Федуну нашли деньги, всего четыре тысячи двести рублей. При этом четыре тысячи лежали в конверте с надписью, сделанной рукой Федуну: «На похороны и поминки».

– Это что же выходит: в пятьдесят семь лет он твердо помереть решил? – удивился Тавров. – Чем же он болел?

– Ничем, – ответил Скавронов. – Никаких хронических заболеваний, все в норме. Врач сказал: с таким здоровьем спокойно до ста лет дожил бы.

– Тогда на чьи же похороны и поминки деньги оставил?

Скавронов пожал плечами.

– Может, знал, что его убьют. Дело тут явно нечистое, Валерий Иванович. А все знают, что вы спец по делам с таким мистическим душком! Может, поможете разобраться? Я вам поездку в Донце за счет прокуратуры организую. На месте осмотритесь, может, и найдете что... Ну, как?

Тавров задумался. А что, не съездить ли на природу? Август месяц – хорошо сейчас в лесах, в полях! Да и Ефросинья не зря Скавронова к нему направила – ох, не зря! Чувствует ясновидящая, что не все тут просто.

– Я готов оказать посильную помощь следствию, – ответил наконец Тавров. – Только у меня есть два условия.

– Какие, Валерий Иванович?

– Первое: поскольку я не ваш подчиненный, то обращаться ко мне будете исключительно по имени-отчеству; а я в силу разницы в возрасте буду называть вас по имени и на «ты». Так мне удобнее общаться. Возражений нет?

– Принимается! – рассмеялся Скавронов. Он явно опасался, что Тавров ответит на его просьбу отказом. – А каково второе условие?

– А второе условие самое важное: всегда выполняй то, что я говорю, каким бы странным это ни казалось.

* * *

Закljučив устное соглашение о сотрудничестве, Тавров со Скавровым выпили по чашке кофе.

– Валерий Иванович, а что вы лично знаете о кольце царя Соломона?

– Только то, что ты при желании можешь найти сам за пару дней сидения в Интернете, – ответил Тавров.

– Мне, к сожалению, некогда в Интернете сидеть, – посетовал Скавронов. – Может, дадите выжимку? Проведете, так сказать, ликбез?

– Ну, если ликбез, то слушай, – согласился Тавров. – Вообще говоря, существуют легенды о трех версиях кольца Соломона. Поскольку мусульмане очень уважают библейского царя, именую его на арабский манер Сулейманом, и считают, что сам Аллах избрал его в пророки, то неудивительно, что две легенды почерпнуты именно из исламских источников.

По одной из версий, способность повелевать могучими демонами-джиннами была дана Соломону по воле Аллаха. Согласно этой легенде восемь ангелов Аллаха вручили Соломону драгоценный камень, дающий власть над ангелами и ветрами. Четыре других ангела дали ему камень, который позволял управлять живыми существами на земле и в воде. Еще один принес третий камень, дающий возможность сровнять горы с землей, осушить моря и реки, превратив их в плодородные земли и, наоборот, – превращать сушу в водные просторы. Наконец, четвертый камень позволил ему отдавать приказы всем добрым и злым духам, живущим между небом и землей.

Из всех четырех чудесных талисманов Соломон сделал кольцо, с помощью которого мог в любой момент проявить свою власть над миром. Он использовал его, чтобы собрать джиннов-строителей, когда решил воздвигнуть храм, посвященный Иегове. Джинны-женщины готовили ему еду и прислуживали за столом, занимавшим площадь с квадратную милю. Все жители Иерусалима приглашались на эти грандиозные пиры.

Можно сделать вывод, что кольцо Соломона имело обычный вид и было в него вделано четыре камня.

Другая легенда более романтична и часто пересказывается в многочисленных источниках, причем существует в различных версиях. Вот одна из них.

Царь Соломон однажды, в минуту душевного смятения, обратился за советом к придворному мудрецу: «Помоги мне! Слишком многое в этой жизни способно вывести меня из себя. Я весьма подвержен страстям, и это мне мешает!» На что мудрец ответил: «Я знаю, как помочь тебе». И протянул царю кольцо с высеченной на его внешней поверхности надписью: «Это пройдет». Отдавая кольцо, мудрец пояснил удивленному царю: «Когда нахлынет на тебя, государь, сильный гнев или сильная радость, посмотри на эту надпись, и она тебя отрезвит. Так ты найдешь спасение от страстей!»

Соломон последовал совету мудреца и обрел спокойствие. Но однажды настал момент, когда, взглянув, как обычно, на кольцо, он не успокоился, а, наоборот, еще больше вышел из себя. Он сорвал кольцо с пальца и хотел зашвырнуть его подальше, но вдруг заметил, что и

на внутренней стороне кольца имеется ранее не замеченная им надпись. Он присмотрелся и прочитал: «И это тоже пройдет».

Прошло много лет, Соломон состарился. Вспоминая о казавшихся когда-то важными делах, он с грустью размышлял о том, что все прошло, вновь и вновь прочитывал не дававшие больше утешения надписи на кольце. Проводя пальцем по краю кольца, он вдруг ощутил неровности, похожие на выдавленные буквы. Царь кликнул слугу, обладавшего отменным зрением, и тот с трудом прочитал: «Ничего не проходит».

– Мудрая притча, – согласился Скавронов. – То есть согласно этой версии артефакт представлялся в виде достаточно толстого кольца с тремя надписями на древнееврейском языке?

– Совершенно верно, – подтвердил Тавров. – Кстати, весьма любопытен еще один вариант легенды о кольце. Однажды царь Соломон увидел богатого ювелира, кичившегося своим искусством и доходным ремеслом, принесшим ему богатство. Такое бахвальство рассердило царя, и он повелел: «Раз уж ты такой умный и искусный, то изготовь мне кольцо, которое делает грустных веселыми, а веселых – грустными. И если через три дня кольцо не будет готово, я велю тебя казнить».

Как бы ни был талантлив и искусен в ремесле ювелир, но на третий день он со страхом пошел к царю с перстнем для него. У порога дворца он встретил Рахавама, царского сына, и вспомнил, что в Торе сказано: «Сын мудреца – половина мудреца». Мастер поведал Рахаму о своей беде. Тот пожалел беднягу, взял гвоздь и с трех сторон кольца нацарапал три еврейские буквы: гимел, заин и йуд. Рахам отдал кольцо изумленному ювелиру и заверил его, что с этим можно смело идти к царю.

Соломон надел кольцо, задумчиво повертел его на пальце и тут же понял значение нацарапанных букв: это аббревиатура фразы «И это тоже пройдет». Как крутится кольцо, все время показывая разные буквы, так крутится мир, и так же крутится судьба человека. И подумав, что сейчас он сидит на высоком престоле, окруженный всем возможным великолепием, а это однажды закончится, он сразу загрустил. Прошло время, удача отвернулась от царя, демон Ашмодай закинул его на край света, Соломону пришлось три года скитаться. Но, глядя на кольцо, он понимал, что это тоже завершится, и ему становилось весело.

– Тогда выходит, что кольцо обычное по форме, но имеет всего три буквы на внешней стороне, – заключил Скавронов. – Но каким же оно было в действительности?

– Более древним источником, нежели мусульманские легенды, является самый древний европейский гримуар – магическая книга, – написанный первоначально на разговорном греческом языке «койне», принятом в Римской империи, и называвшийся «Завещание Соломона». В «Завещании» происхождение кольца так описывается.

Когда в Иерусалиме строился Храм, царь Соломон заметил, что его любимый юный подмастерье чахнет день ото дня. Когда Соломон спросил мальчика, что с ним случилось, тот ответил, что каждый день после заката солнца на него нападает некий злой дух, который не только отбирает у него половину денег и еды, заработанных за день, но и сосет кровь из большого пальца его правой руки.

Тогда Соломон отправился в Храм и молился там денно и ночью о том, чтобы демон был отдан в его руки и Соломон получил бы над ним власть. Услышав эту молитву, Бог послал Соломону архангела Михаила, который и вручил ему небольшое кольцо, на печати которого была вырезана Пентальфа, являющаяся Печатью Бога, которая дает власть над всеми демонами, мужчинами и женщинами.

Обрадованный Соломон дал мальчику кольцо и приказал при следующем появлении демона бросить ему в грудь это кольцо и произнести: «Именем Бога! Соломон приказывает тебе явиться к нему». Когда демон явился снова, мальчику удалось все это исполнить, хотя тот умолял не бросать в него кольцо, обещая оставить его в покое и вдобавок дать в награду все золото земли. Под воздействием магической силы демон был вынужден предстать перед

Соломоном и объявить ему свое имя. Подчинив одного демона, Соломон вызвал к себе и подчинил других, при помощи которых он и построил Великий Храм. Впоследствии Соломон стал беспокоиться, что если вдруг кольцо будет похищено, то остальные люди тоже смогут воспользоваться им – а это приведет к непредсказуемым последствиям. Поэтому он, используя свою власть, заточил главных демонов – их было семьдесят два – в медный сосуд, запечатал его кольцом и бросил в глубокое озеро. Но удача с течением времени отвернулась от царя. Оставшиеся на свободе демоны рассказали о поступке царя жителям Вавилона и внушили им, что в сосуде спрятаны самые ценные сокровища. Люди – не без помощи тех же самых сверхъестественных существ – сумели найти и выловить кувшин. Семьдесят два главаря обрели свободу. Окончательно Соломон потерял свою власть над ними после того, как влюбился в девушку по имени Сонманитес из народа ювесиан. Та пообещала отдаться ему, если Соломон поклонится богам Рафану и Молоху. Слепленный страстью, Соломон выполнил желание возлюбленной и, по словам из древнего текста «Завещания Соломона», который приписывается самому царю, – «слава Бога совершенно покинула меня; и дух мой померк, и я стал забавой для идолов и демонов». Вот такая печальная история царя Соломона и его кольца.

– И как же выглядело это кольцо?

– Серый металл, неподверженное окислению железо, с вырезанной на нем печатью Пентальфа, иначе говоря, пентаграммой, – пояснил Тавров. – Вот такое кольцо и было у отца Иоанна.

Скавронов на мгновение задумался и вдруг резко спросил:

– Неужели вы верите в эту мистическую чушь?

– Я знаю точно, что это кольцо представляло огромную ценность для Бломбергиса, – уверенно ответил Тавров. – И отец Иоанн не зря забрал его перед своим исчезновением. Несомненно, найдутся еще люди, готовые пойти на все, только бы заполучить артефакт. А для нас главное то, что поиски должны неизбежно вывести на след отца Иоанна.

– Логично, – согласился Скавронов. – К сожалению, пока мы даже не представляем, где могут находиться и кольцо, и отец Иоанн. Итак, наметим направления действий. Первое: надо вычислить человека, который выслеживал в селе Донце Федуна. Второе: что за люди приезжали на «Паджеро» в район Донца. Третье: выяснить, откуда у Федуна появились деньги, которые он с такой легкостью тратил.

– Четвертое: найти родственников Федуна, – прервал его Тавров. – Были же у него родственники? Узнать о них все. Я бы даже поставил эту задачу на первое место. Уверен: именно в их судьбе, и живых, и умерших, мы найдем ниточки к загадкам жизни колдуна. Кроме того, вероятней всего, что в Питер Федун ездил к родне. Ну, не кутить же он туда отправился?

– Да кто же его знает... – буркнул Скавронов. – Я уже запустил ребят порыться в его прошлом, но дело это не быстрое. Может быть, нам в Донце порасспросить старух-старожилков? Там живут две одинокие бабки, им Федун вроде бы даже по хозяйству помогал. Только надо бы побыстрее съездить: уж больно старые они, как бы не преставились, пока мы тут раскачиваемся. Вы как?

– Не возражаю, – проявил покладистость Тавров. – Пока твои ребята архивы переворачивают, можно и нам на природу выбраться. Все-таки август, тепло, овощи-фрукты свежие... Когда поедем?

– Если вы прямо готовы, то сегодня! – обрадованно предложил Скавронов. – На Ленинградском сядем на поезд Москва – Псков и доедем до Порхова, а там нас встретят на машине и напрямиком в Донце доставят! Остановимся там у Зверева. Годится?

– Во сколько отправление?

– В половине восьмого вечера. В начале седьмого утра будем на месте. Поезд, номер вагона сообщу сегодня вечером.

* * *

Проводив гостя, Тавров налил воды в кружку. Несколько мгновений он смотрел на кружку, затем решительно смахнул со стола. Она глухо ударилась о ковровое покрытие пола. Тавров глубоко вздохнул и решил посмотреть, чем закончилась его выходка. Как и следовало ожидать, кружка лежала на боку абсолютно пустая, а вода запятнала светлую поверхность темными следами брызг. Однако Тавров ожидал совсем другого, и увиденное явно настроило на оптимистический лад. Облегченно вздохнув, Тавров бодро крикнул Кате:

– Катенька! Я сегодня вечером уезжаю, ориентировочно на неделю. Так что сейчас еду домой готовиться к поездке. Если будет что срочное, я доступен по мобильнику.

Дома Тавров достал из кладовки маленький чемодан на колесах – из тех, что даже авиакомпании разрешают брать в салон, – и стал собираться. Но прежде достал бутылку коньяка, налил в бокал граммов семьдесят и поставил бутылку обратно в бар. Пригубив, Тавров распахнул дверцу бара и внимательно изучил бутылку. Как и следовало ожидать, уровень янтарной жидкости понизился в соответствии с тем, что часть оказалась отлита в бокал. Однако и на этот раз Тавров ожидал совсем другого и был приятно удивлен. Он уселся в кресло, допил коньяк и удовлетворенно констатировал:

– Никакой Пограничной Зоны!

Он убедился, что никто пока еще не ввел его в Пограничную Зону, и потому можно спокойно заниматься обычным расследованием без всяких мистических заморочек, настолько непонятных, насколько и неприятных, а порой и откровенно опасных.

* * *

Тавров налил себе еще коньяку, взял карту Псковской области, несколько минут изучал ее, затем схватился за трубку телефона.

– Здорово, Леша! Это твой сосед, Валерий Иванович. Сразу узнал? Жаль: значит, не разбогатею. Шучу, шучу! Слушай, тут вот какое дело... Есть такое место в Псковской губернии, деревня Донце, недалеко от Порхова. Пробей по своим базам: не случались ли в тех местах какие-либо загадочные события. Какие именно? Любые, главное, загадочные. Но желательно поближе к нашему времени. Посмотришь? А я через пару часиков к тебе зайду. Я уезжаю на недельку в те края, так что разопьем бутылочку на дорожку. Возражений нет? И ладненько!

* * *

Через два часа Тавров закончил укладку чемодана, взял из бара непечатую бутылку кизлярской «Лезгинки» и спустился на третий этаж к соседу Леше Беседову.

Беседов по основному роду деятельности был журналистом, специализировавшимся на загадках истории, а также подрабатывал копирайтером-фрилансером, потому его в любое время дня и ночи можно было застать дома за компьютером.

– «Лезгинка»? Это вещь! – обрадовался Леша. – Лучший российский коньяк! Сейчас бокальчики приготовлю.

Обычных «бокальчиков» у Леша не водилось отродясь, поэтому он выставил пару советских тонкостенных стаканов с белыми полосками: видно, еще его покойная запасливая матушка натаскала из кинотеатра «Баку», где десять лет трудилась буфетчицей.

Пригубив чудесный напиток, Леша крикнул от удовольствия и сказал:

– Посмотрите, Валерий Иванович, что я нарыл за эти два часа. Начнем с легенды о возникновении города Порхова.

Согласно данным новгородской летописи, город Порхов основал в 1239 году Александр Невский. Однако народное предание гласит, что город заложили бежавшие от произвола новгородских бояр звероловы Василий и Феофил. На плотях от Ильмень-озера беглые спустились по реке Шелонь до заросшего лесом острова, где и поселились на остатках древнего городища.

– А что про деревню Донце можешь сказать? – попытался направить речи Леша в нужном направлении Тавров.

– Про Донце я нашел документы, относящиеся к немецкой оккупации. Кстати, любопытные по содержанию. Смотрите, вот фотографии оригиналов, а вот перевод.

Леша застучал по кнопкам клавиатуры, на экране монитора возникли фотокопии пожелтевших документов, заполненных текстами на немецком языке и снабженных штампами с готической надписью: «Geheim!»

– Итак, вот первый документ. Он касается событий 1943 года, связанных с деревней Донце. Вот содержание вкратце. В июне 1943 года в деревню Донце из Порхова была направлена «команда Бехер», состоявшая из солдат взвода СС и служащих вспомогательной полиции под командованием заместителя командира оперкоманды 2а СС-оберштурмфюрера Вальтера Бехера. Задачей команды было уничтожение партизанского отряда имени Ворошилова, входившего в состав 3-й Ленинградской партизанской бригады и дислоцировавшегося в районе Донца. Поводом для проведения карательной операции была дерзкая диверсия, проведенная в конце мая на участке железной дороги Порхов – Дно. Команда Бехера так и не добралась до пункта назначения, загадочным образом исчезнув по дороге из Порхова в Донце.

Глава 3

– Как это «загадочным образом исчезнув»? – удивился Тавров.

– А так: как будто в воздухе растворились! – пояснил Леша.

Он щелкнул мышкой, открыв следующий документ.

– Вот как описаны эти события в рапорте командира оперкоманды 2а СС-штурмбанн-фюрера доктора Хубига своему непосредственному начальству, начальнику айнзатцгруппы А СС-оберфюреру доктору Пифрадеру.

«Секретно!

29 июня 1943 года, город Порхов,

штаб оперкоманды 2а

Начальнику айнзатцгруппы А,

город Минск, Генеральный комиссариат Вайсрутения

ДОНЕСЕНИЕ

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

КОМАНДЫ БЕХЕРА

В соответствии с приказом № 32 по оперкоманде о проведении операции по уничтожению бандитской группировки, дислоцирующейся в лесном массиве у деревни Донце, в 5 часов утра 7 июня 1943 года из Порхова вышла специально сформированная команда Бехер в составе:

15 человек из взвода СС-унтерштурмфюрера Шульца, приданного оперкоманде 2а;

10 человек броневзводного подразделения 10-го полицейского полка;

10 человек из служащих вспомогательной полиции;

7 человек из пулеметного взвода 37-го эстонского полицейского батальона.

Командир – СС-оберштурмфюрер Вальтер Бехер.

Согласно плану операции в 8 часов утра подразделения 37-го эстонского полицейского батальона должны были начать прочесывание лесного массива к востоку от деревни Донце. Не позднее 7 часов утра команда Бехера должна была выдвинуться к деревне Донце и при помощи старосты деревни Ивана Федорова, а также прикомандированных служащих вспомогательной полиции Юлия Петрова и Евгения Жмурикова организовать засаду на пути отступающих бандитов. Завершивший прочесывание лесного массива 37-й батальон остановился на указанном ему рубеже – восточном крае болота Тимкино. Однако команда Бехера в деревне Донце так и не появилась, вследствие чего бандиты беспрепятственно прошли через деревню и скрылись в расположенном северо-западнее лесном массиве. Получив сообщение от командира 37-го батальона майора Бергмана о завершении прочесывания и отсутствии сообщений от команды Бехера, я немедленно выехал в район операции в сопровождении командира взвода СС Шульца, а также следователей оперкоманды: оберштурмфюрера СС Коппера и зондерфюрера Флегеля.

Не доезжая двух километров до деревни Донце, мы обнаружили, что следы колонны команды Бехера уходят не в направлении деревни, а в сторону старой вырубki у южного края болота Тимкино. Пройдя по следам, оставленным грузовиками и броневзводным автомобилем, мы обнаружили, что следы обрываются примерно в двадцати метрах от болота. На месте происшествия были обнаружены в большом количестве стреляные гильзы от стрелкового оружия, преимущественно германского производства, а также потеки машинного масла и следы крови. В ходе осмотра местности была обнаружена уходящая в северо-западном направлении от вырубki тропа, заминированная бандитами. Из-за наличия большого количества мин на тропе ее обсле-

дование было прекращено. К 12 часам дня мы прибыли в деревню Донце, где обнаружили в доме старосты Федорова его самого, его семью (жену и четырех сыновей в возрасте от 12 до 4 лет), а также двух служащих вспомогательной полиции, посланных для помощи Федорову. Обстоятельства исчезновения команды Бехера свидетельствовали о том, что команда пала жертвой предательства, попав в тщательно подготовленную засаду. На основании этого Иван Федоров, его семья и служащие вспомогательной полиции Юлий Петров и Евгений Жмуриков были арестованы, доставлены в штаб оперкоманды в Порхове и допрошены. В процессе допроса подозреваемые вне зависимости друг от друга показали, что около 7 часов утра на протяжении примерно пяти минут слышали интенсивную перестрелку к северо-востоку от деревни Донце. Факт сотрудничества с бандитами они категорически отрицали, а потому Федоров, его семья, Петров и Жмуриков были переданы мной для проведения дальнейшего расследования сотрудникам псковского СД. По истечении недели следователь псковского СД СС-унтерштурмфюрер Ансип уведомил меня, что в ходе интенсивных допросов семья Федорова была подвергнута особому обращению, а Жмуриков скончался вследствие сердечной недостаточности. Ансип также сообщил мне, что предательство Федорова и Петрова было полностью доказано и они были повешены в псковской крепости. Должен отметить, что служащие вспомогательной полиции Петров и Жмуриков отлично зарекомендовали себя годом ранее в ходе выявления и подвержения особому обращению евреев в Порхове и его окрестностях. Кроме того, в отношении истинности утверждений Ансипа вызывают сомнения утверждения очевидцев казни лейтенанта Полнера и унтерштурмфюрера СС Блома о том, что повешен был только Петров. По их показаниям, для казни в крепости использовался дощатый эшафот с перекладиной на пять петель. Когда Федорову надели на шею петлю и открыли люк в эшафоте, то веревка неожиданно оборвалась и тело Федорова упало внутрь эшафота. Когда тело хотели извлечь, то оказалось, что точно под местом повешения Федорова находился люк колодца канализации, в который тело и попало. При обследовании колодца экзекуционной командой тела Федорова обнаружено не было. На основании этого я должен высказать сомнение в смерти Федорова и утверждениях унтерштурмфюрера СС Ансипа на этот счет. Кроме того, мне стало известно, что унтерштурмфюрер СС Ансип, занимая в 1942 году должность командира команды эстонской полиции при проведении акций по поиску и осуществлению особого обращения с евреями, неоднократно присваивал обнаруженные при этом ценности, чему в подтверждение есть показания очевидца капитана вермахта Густава Шолля. В связи с изложенными мною фактами прошу Вас прислать для проведения тщательного расследования обстоятельств исчезновения команды Бехера и последующих действий СС-унтерштурмфюрера Ансипа специальной следственной комиссии.

Подпись: командир оперкоманды 2а СС-штурмбаннфюрер д-р Герман Хубиг».

Беседов щелкнул мышкой, открывая следующий документ.

– 13 ноября 1943 года партизаны провели в Порхове дерзкую операцию: в результате взрыва в кинотеатре погибло свыше трехсот гитлеровцев. В ответ на это немцы провели карательную экспедицию, в ходе которой подразделениями 37-го эстонского батальона деревня Донце была полностью уничтожена. То есть вместе с жителями. Вот так. Что скажете?

– Федоров Иван, – задумчиво проговорил Тавров.

«А не отец ли того самого Федуна? Вполне возможно! И бесследное исчезновение четырех десятков карателей вместе с двумя грузовиками и броневедомobileм – безусловно заслуживающий пристального внимания факт. Надо запомнить упомянутые в донесении имена».

Тавров предложил Леше:

– Леша! Похоже, это очень важная информация. Хорошо бы найти все, что можно, об этом Иване Федорове. И вообще, обо всех людях, фигурирующих в донесении. Поищи, хорошо? Как что найдешь, тут же мне звони – я оплачу расходы на связь. Договорились?

– Без проблем, Валерий Иванович! – заверил Леша, наливая в стаканы «Лезгинку».

– Ну и хорошо! И еще... дай-ка мне ручку и листок бумаги.

Тавров набросал рисунок перстня с пентаграммой: того, что он видел мельком на пальце Бломбергиса. Отдавая листок с рисунком Леше, сказал:

– Если тебе удастся обнаружить что-нибудь об этом предмете, то с меня причитается.

– Да вы так разоритесь, Валерий Иванович! – рассмеялся Леша. – «Лезгинка» нынче недешева!

– Подтяну пояс, – отшутился Тавров и взглянул на часы. Пора отправляться на вокзал.

* * *

В купе вагона вместе со Скавроновым и Тавровым оказались двое парней в камуфляже: поисковики из отряда «Забытый полк». Одного звали Сергей, другого – Олег. Узнав, что Скавронов – следователь прокуратуры, а Тавров – отставной полковник милиции, парни явно почувствовали себя неудобно. Чтобы развеять неловкость, Тавров достал бутылку «Старого Кенигсберга», а Скавронов – сырную и колбасную нарезки.

– Давайте за знакомство и успех наших предприятий! – предложил Тавров, разливая коньяк по пластиковым стаканчикам.

– Тут частная охрана ходит по вагонам, так они это дело не приветствуют, – предупредил Олег. И будто накаркал: дверь купе отворилась, и в проеме появился охранник с эмблемой ЧОП.

– Распивать спиртное запрещено, – строго сообщил он. – Если кому приспичило, в вагон-ресторан идите.

Скавронов поднялся, показал удостоверение и сказал что-то на ухо охраннику. Тот неохотно вышел в коридор, мрачно бросив Скавронову:

– Под вашу личную ответственность. И не курите в купе!

– Ну вот, таможня дала добро! – с довольным видом потер руки Скавронов. – Итак, приступим?

На сей раз Олег с Сергеем не стали отказываться. Когда бутылка опустела, беседа приобрела доверительный характер.

– И что искать собрались, молодые люди? – поинтересовался Тавров у поисковиков.

– Ничего противозаконного, товарищ полковник! – рассмеялся Сергей. – В одном болоте нашли сбитый самолет времен войны, вроде бы в идеальном состоянии. По договору с фирмой, реставрирующей старую технику, едем доставать реликт. Нас в Дне встретят и отвезут к месту работ.

– Ну, что же так официально? – улыбнулся Тавров. – Я уж в отставке давно! Вот Виталий Сергеевич пока в строю, действующий представитель власти. А едем мы в Порхов: Виталий Сергеевич по делам службы, а я вроде консультанта.

– Понятно... «Черных» поисковиков ищете? – осторожно поинтересовался Олег.

– Нет, я занимаюсь расследованием убийств, – ответил Скавронов. – «Черный» поиск меня сейчас не интересует. А что, много под Порховом «черных» поисковиков?

– А что им там делать? – возразил Олег. – Они по тем местам работают, где пожить можно. Вот севернее, по реке Великой, проходила немецкая оборонительная линия «Пантера». Так там со времен войны даже немецкие склады нетронутые остались. Только с «черными» лучше не сталкиваться: среди них такие отморозки попадаются, что не дай бог... Они ведь и боеприпасами, и оружием приторговывают. А если найти нетронутый склад, то там иной раз оружие и боеприпасы попадают в заводской упаковке, герметичных ящиках – даже ржавчиной не тронутые, хоть сразу бери да стреляй! Ну и останки немецких солдат незахороненные – тоже ба-а-альшой интерес представляют!

– А чем кости интересны? – удивился Тавров.

– У немцев при себе всегда были опознавательные жетоны из нержавеющей металла, – пояснил Олег. – Такая овальная металлическая пластинка с насечкой посередине. Так вот: если труп хоронила похоронная команда немцев, то жетон разламывали пополам: одну часть оставляли в могиле, а другую отправляли в штаб. А вот если находишь кости с целым жетоном, то тут два важных момента. Во-первых, целый жетон означает, что труп похоронная команда не трогала, а потому, с юридической точки зрения, обнаружение костей не считается разорением воинских захоронений – то есть неподсудно. Во-вторых, труп с целым жетоном числится как пропавший без вести, и нашедший смело может рассчитывать на вознаграждение как минимум от родственников погибшего. Еще при таких костях обычно остаются личные вещи покойников. Можно найти неплохо сохранившиеся награды, а если повезет, то и что-нибудь вроде портсигаров и колец из драгметаллов.

– Вот как... – задумался Тавров, потом спросил: – А что, район Порхова не богат на такие интересные места?

– Нет, там не было интенсивных боев, – уверенно ответил Олег.

– А с партизанами? – возразил Тавров. – Я даже слышал совершенно мистическую историю о том, как недалеко от Порхова бесследно исчезла зондеркоманда немцев вместе с грузовиками и броневедомомобилем.

Сергей с Олегом переглянулись и рассмеялись.

– Знаем мы эту историю, – отсмеявшись, сообщил Олег. – Ее подоплеку в свое время изложил в мемуарах бывший командир партизанского отряда, действовавшего в районе Порхова и в 1943 году преобразованного в один из полков 3-й Ленинградской бригады. Мемуары были изданы областным издательством в 1964 году, очень маленьким тиражом, сейчас эту книжку вряд ли найдешь даже в псковской библиотеке. Я сам брал ее у внука командира под большой залог и сканировал. Впрочем, к делу это не относится...

Тавров достал новую бутылку коньяка, и Олег был вынужден сделать паузу, чтобы махнуть рюмку «за сбычу мечт». Закусив кусочком сыра, он продолжил:

– Так вот, староста деревни Донце сообщил партизанам, что немцы планируют проведение операции против отряда. По плану операции эстонский полицейский батальон, специально присланный из Пскова, должен был начать прочесывание лесного массива с востока, от дороги Порхов – Дубровно. Под натиском врага партизаны должны были уйти на запасную базу. Их путь неизбежно должен был проходить через Донце. Во всяком случае, в этом немцев убедил староста деревни, который по заданию командира отряда вошел к немцам в доверие и сотрудничал с СД.

– В смысле, с гестапо? – уточнил Тавров.

– Нет, гестапо на оккупированных территориях не было, это распространенное заблуждение, – ответил Олег и, видя удивленные взгляды Таврова и Скавронова, счел необходимым пояснить: – Гестапо было государственной тайной полицией, собственно, само слово «гестапо» и есть сокращение от немецкого названия «государственная тайная полиция». Первоначально гестапо было одним из подразделений Министерства внутренних дел, а перед самой войной оно вместе с партийной разведкой и контрразведкой гитлеровской партии СД, то есть службой безопасности, было объединено в Главное имперское управление безопасности, РСХА в немецкой аббревиатуре.

– Да, что-то такое слышал в фильме «Семнадцать мгновений весны», – припомнил Тавров.

– Тогда вы в курсе, – улыбнулся Олег и продолжил: – В РСХА вошли и остальные полицейские службы Третьего рейха, в том числе и пограничники. Но по германским законам гестапо могло действовать только на территории рейха. На оккупированных территориях и в прифронтовой полосе вся полнота власти принадлежала германской армии. Кроме того, имелись территории, где была введена гражданская администрация: генерал-губернаторство

– не присоединенная к рейху территория Польши; протекторат Богемия и Моравия – территория Чехии; рейхскомиссариат «Остланд», включавший территории Прибалтики и Белоруссии, – последняя в урезанном виде была выделена в Генеральный комиссариат «Вайсрутения»; рейхскомиссариат «Украина». Разумеется, и гражданская администрация, и военно-оккупационная администрация не потерпели бы на своих территориях деятельности независимой тайной полиции – гестапо, подчинявшейся рейхсфюреру СС Гиммлеру. Поэтому по соглашению с Гиммлером контрразведывательную деятельность за пределами собственно территории рейха осуществляли находившиеся в оперативном подчинении соответствующих армейских и оккупационных властей подразделения СД и полиции. В то же время они имели собственное руководство в лице командиров айнзатцгрупп – оперативных команд СД, высших руководителей СС и полиции, а также территориальных органов СД. В прифронтовой полосе функции гестапо осуществляла так называемая «тайная полевая полиция» – ГФП.

– Однако запутанная структура, – заметил Скавронов. – Как немцы сами в ней разбирались?

– Бывало, что плохо, – ответил Олег. – Скажем, был период, когда в городе Минске одновременно находились резиденции начальника СД и полиции «Вайсрутении», Высшего руководителя СС и полиции «Русланд-Митте», штаб айнзатцгруппы Б и оперативный штаб командира айнзатцгруппы А. Все они решали свои задачи, но территории и сферы их деятельности часто пересекались, что неизбежно вызывало трения и интриги. Чтобы понять все хитросплетения деятельности спецподразделений и контрразведки на оккупированных территориях СССР, надо говорить долго и подробно. Я же хочу лишь отметить, что учет подчиненности очень важен при работе с документами той поры.

– Понятно, – нетерпеливо кивнул Тавров. Исторический ликбез ему уже поднадоел, и он, стремясь вернуть беседу в интересующее его русло, спросил: – Так что там устроили партизаны немцам у деревни Донце?

– Староста деревни убедил СД, что партизаны, спасаясь от окружения, пойдут на запасную базу и при этом неизбежно пройдут через Донце, чтобы взять запас провианта и боеприпасов со своего тайного склада, устроенного в замаскированном на огороде бункере. Видимо, СД не очень доверяло старосте, поскольку к нему «в помощь» – а скорее всего, для контроля за ним – прислали двух предателей-полицаев, также бывших агентами СД. Немецкая зондеркоманда должна была скрытно занять Донце и устроить засаду партизанам. Но староста сумел заманить колонну карателей на окраину Тимкиного болота, где партизаны молниеносно перестреляли немцев и полицаев, в большинстве своем даже не успевших выпрыгнуть из грузовиков. Чтобы запутать немцев и отвести подозрения от населения деревни Донце, партизаны на узком участке болотистого берега сняли дерн, по этой импровизированной дороге загнали броневомобиль и грузовики в болото и утопили. После этого дерн уложили на место, посадив там деревца и разместив пни таким образом, чтобы участок не отличался от остальной вырубki. Уцелевших в перестрелке немцев и полицаев заставили отнести трупы карателей к заброшенному глубокому колодцу в лесу. Там после короткого допроса уцелевших в бою карателей почти всех расстреляли, кроме командира команды, которого было приказано преправить в штаб партизанской бригады. Затем трупы сбросили в колодец. А немцы так и не поняли, куда делась их зондеркоманда!

– И что же, удалось отвести подозрения от населения деревни? – спросил Тавров, уже зная ответ.

– Тогда деревню немцы не тронули, но что-то заподозрили. Во всяком случае, старосту вместе с семьей арестовали и отправили в псковское СД. Семья погибла в гитлеровских застенках, а старосте удалось бежать. Командир партизан в своих мемуарах не вдается в детали этой истории, а лишь пишет, что старосту сумели спасти чуть ли не из петли! Так что деревня уцелела.

– Разве в том же году немцы не сожгли Донце со всеми жителями? – возразил Тавров.

– Нет, – категорически заявил Олег. – Да, вскоре после взрыва немецкого кинотеатра в Порхове немцы устроили карательную экспедицию, сожгли несколько деревень, но в Донце так и не появились.

– Это правда? – с сомнением спросил Тавров.

– Во всяком случае, так пишет партизанский командир в своих мемуарах, – пожал плечами Олег. – Зачем ему врать? Ведь оборона деревни не входила в его обязанности. Кстати, лет пять назад были мы в Донце, так там есть пара домов еще довоенной постройки. Так что немцы точно никого не палили.

– А грузовики и броневедомоцикл?

– Так мы туда ради них и ездили! – воскликнул Олег и достал из бумажника фотографию. На ней были изображены несколько парней в грязном камуфляже, с радостными лицами рассевшиеся на прилично сохранившемся броневедомоцикле времен войны.

– Видите? Все верно было описано: два грузовика и броневедомоцикл. Сохранность почти идеальная!

– А тот колодец в лесу не искали? – поинтересовался Тавров, возвращая фотографию.

Олег вздрогнул и попал фотографией в отделение бумажника только с третьей попытки.

– Нет... А зачем он нам, колодец этот? – торопливо спросил он безразличным голосом, но Таврову это безразличие показалось нарочитым, и он продолжил тему:

– Так там же было много трупов немцев с опознавательными жетонами. По вашим понятиям, Клондайк. Или нет?

– Мы не «черные» поисковики и жетонами не интересуемся, – отрезал Олег. Он явно не был настроен продолжать разговор.

– Извините, но у меня предложение, – вмешался вошедший в купе Сергей: он выходил покурить в тамбур. – Давайте примем еще по одной – и на боковую. А то нам спать осталось всего ничего!

– А что, Виталик? Верно молодежь говорит, – обратился Тавров к Скавронову. – Давайте стелитесь, а я пока схожу в тамбур, подымлю.

* * *

Поисковики и Скавронов уже давно улеглись, а Таврову все не спалось. Он допил остатки коньяка, несколько раз выходил курить в тамбур, но сон не шел.

Леша сам видел рапорт командира эстонских карателей, уничтоживших Донце. Почему командир партизан утверждал, что немцы больше в деревне не появлялись? Почему не описал подробности бегства старосты Федорова из петли, если действительно партизаны организовали его спасение? Ветераны часто любят прихвастнуть, описывая свои подвиги, – так почему партизанский командир обошел такой выигранный момент повествования? Странно, очень странно.

* * *

Хлопнула вагонная дверь, в тамбуре появился Сергей.

– Что, тоже не спится? – улыбнулся Тавров.

Сергей лишь махнул рукой, достал пачку «Русского стиля» и закурил. Выпустив клуб дыма, он сказал:

– Вроде заснул сразу, поспал пару часов, проснулся – и как отрезало!

– Скажите, Сергей, – обратился к нему Тавров. – Олег говорил, что вы нашли технику той самой исчезнувшей зондеркоманды. А колодец, в который партизаны сбросили трупы немцев, вы нашли?

– Мы его не искали. Зачем нам? – отозвался Сергей, наблюдая за плывущими по воздуху колечками дыма.

– Там должно быть много целых опознавательных немецких жетонов, – пояснил Тавров. – Или вы их в отличие от «черных» поисковиков принципиально не собираете?

– Нет, почему же, – возразил Сергей. – Союз поисковых отрядов России поощряет такую работу, поскольку у СПО есть соответствующая договоренность с идентификационным отделом Дойче Диншттелле, то есть немецким военным архивом. Есть четкие правила работы с найденными жетонами, и мы их придерживаемся – в противном случае СПО просто не даст нам разрешения на поисковые работы.

– Почему же вы не искали колодец? – допытывался Тавров. – Ведь там должно лежать нескольких десятков немецких солдат.

– Не более двадцати-тридцати, поскольку половину команды составляли местные и эстонские полицейские, – пояснил Сергей. – Но вообще вы правы... Был у нас один такой поисковик, Вова Серый, так он интересовался.

– Почему Серый? – удивился Тавров.

– Есть «белые» поисковики, а есть «черные», – пояснил Сергей. – Вован с нами ходил, но было подозрение, что он и «черным» поиском занимается, потому и звали его Серый. Нюх у него был отменный! Однажды прошлись по раскопу с миноискателем, а он потом один раз копнул – и почти целую фарфоровую вазу вынул! Мы еще пошарили, кучу фарфора нашли. Видно, немцы ее из музея вывезли, да до своего рейха не довели. Ну кто мог представить, что там лежит целая коллекция?! Ее ведь никаким миноискателем не найдешь!

– Понятно. И что же Серый?

– Когда мы броневедомобиль из болота достали, он пристал: дескать, знает, где находится тот самый колодец, куда партизаны трупы немцев и полицейских сбросили. Мы ему говорим: да завалено там все давно; а то, еще хуже, газы болотные в нем скопились, сразу ласты склеишь. А он ни в какую! Я, говорит, туда спущусь в акваланге, так что мне любые газы пофиг. Все равно в акваланге воздух в баллонах остался, надо использовать. Колодец, говорит, широкий – метра полтора в диаметре, не меньше, и весь камнем облицован. Ну, уговорил, короче!

Сергей вмял окурочек в настенную пепельницу и тут же закурил следующую сигарету. Затянулся, выдохнул и продолжил рассказ:

– Привел он нас на эту поляну, где колодец был. Там еще валун большой и дерево, молнией разбитое. Колодец почти ровень с землей, действительно облицован камнем. Закрепили мы блок и на нейлоновом тросе спустили Вована в акваланге.

Сергей замолчал, жадно затягиваясь сигаретой.

– И что же он там нашел? – с нетерпением спросил Тавров.

– А кто его знает?! – с досадой отозвался Сергей. – Что-то он там увидел, но что... Короче, когда мы его подняли, он слова сказать не мог. Только глаза таращил и мычал как немой. А в глазах прямо ужас стоял! Я тогда впервые смысл этого выражения понял: «В глазах стоял ужас».

– Однако! – крикнул Тавров. – И что дальше?

– А дальше мы руки в ноги – и ходу с той поляны!

– А Серый?

– А что Серый? – вздохнул Сергей. – Привезли его в Москву и сдали в психушку. Там и сидит до сих пор, надо полагать. Валерий Иванович! У вас коньячка не осталось? А то у меня Серый перед глазами стоит, как будто мы его вчера из колодца вынули.

Глава 4

Когда Тавров проснулся утром, то обнаружил, что поисковики уже покинули купе. Детектив лежал еще несколько минут, затем незаметно для себя задремал и окончательно проснулся, когда в дверь постучала проводница:

– Подъезжаем! Порхов через пятнадцать минут!

Раннее утро, по ощущению Таврова, совсем не лучшее время дня. Однако при помощи Скавронова ему удалось собраться и даже не забыть ничего из вещей. Ежась от недосыпа и утреннего холода, Тавров недовольно осведомился:

– А где встречающие?

– Вам нужна толпа пионеров с цветами? – огрызнулся тоже не выспавшийся Скавронов.

– Я в том смысле, что нас должны встретить, – пояснил Тавров. – Вы обещали, не так ли?

– Вон машина Зверева на площади стоит, – зевая, указал рукой Скавронов.

Действительно, на привокзальной площади стоял черный «Мицубиси Паджеро». Стекло опустилось, из салона высунулся мужчина и помахал рукой.

– Вот они, – сообщил Скавронов. – Идемте!

– Ты носи вещи, а я должен позвонить, – сказал Тавров, доставая мобильник. Скавронов недовольно крикнул, но потащил чемоданы к машине.

Честно говоря, большое свинство звонить в такую рань человеку, лежащему спать далеко за полночь. Но Тавров чувствовал, что нащупал нечто странное, и надо было немедленно предпринять шаги для прояснения этих обстоятельств – иначе днем все будет валиться из рук.

Леша не отключал мобильник на ночь, и потому Таврову удалось дозвониться, хотя и с третьей попытки.

– Леша, извини! Я понимаю, что звоню слишком рано, но дело того требует: есть новости.

– Я вас внимательно слушаю, Валерий Иванович! – сонным голосом отозвался Леша.

– Я узнал, что тот самый командир исчезнувшей зондеркоманды... Ты помнишь, о чем мы говорили?

– Разумеется! – заверил Леша, отчаянно зевая в трубку. – Бехер, СС-оберштурмфюрер Бехер. И что?

– Так вот: есть информация, что партизаны его не убили, а захватили в плен и отправили в Москву как владеющего секретными сведениями офицера СД. Меня интересует – помимо того, о чем я говорил, – еще и его дальнейшая судьба.

– Ага... – пробормотал Леша и осведомился: – Это срочно?

– Чем скорее, тем лучше.

– Хорошо, сегодня же пробью по архиву ФСБ: наверняка Бехером занимался НКВД, а значит, должна быть информация. Как только нарою чего-нибудь – немедленно отзвонюсь. О'кей?

– Хоккей, – недовольно отозвался Тавров, нажимая на кнопку «отбой»: он терпеть не мог американизмы в обыденной речи.

* * *

– Ну, наконец-то! – проворчал Скавронов, когда Тавров подошел к машине. – Садитесь назад, Валерий Иванович. Разрешите вам представить отставного полковника внутренних войск Зверева Петра Егоровича!

Тавров пожал руку владельцу машины и поинтересовался:

– И какие у нас на сегодня планы, Петр Егорович?

– Планы такие, – вмешался Скавронов. – Поскольку я уже в Донце засветился и там каждая собака знает, что я следователь, расследующий убийство Федорова, то мой приезд неминуемо насторожит осведомителя убийц, который, предположительно, находится в деревне.

– Ты словно протокол пишешь, – насмешливо заметил Зверев. – Давай поближе к теме и попонятнее: чтобы отставные полковники все сразу уразумели!

– Специально для настоящих полковников: дабы не вызывать подозрений, мы придерживаемся версии «отдых». Потому сегодня и завтра занимаемся исключительно тем, чем нормальные отдыхающие: рыбачим, паримся в бане, пьем водку под уху. Удачно, что тебе Жарков машину оставил по доверенности: можно и в дальние места прокатиться. Заодно Валерий Иванович уяснит текущую диспозицию. Возражения есть?

Разумеется, возражений не было. Компания отправилась в деревню Донце.

Донце представляло собой обычное зрелище: десяток обитаемых домов – из которых больше половины явно принадлежали дачникам, – и десятка полтора необитаемых в разной степени разрушимости. Посреди деревни возвышалась полуразрушенная церковь со сбитым куполом, а значит, Донце когда-то было большим селом – на пригорке примерно в километре от крайнего дома виднелось сельское кладбище. И еще неизменная стена леса за полями со всех сторон – вот и все описание места действия.

– Вон тот крайний дом на отшибе и принадлежал Федорову, – указал Скавронов.

Дом деревенского колдуна был очень старым, сработанным минимум лет семьдесят-восемьдесят назад, когда еще не перевелись на селе настоящие мастера. Он немного врос в землю, но ничуть не покосился от времени.

– Мы его позже осмотрим, – пообещал Скавронов. – А пока согласно плану прямо к Егорычу!

Дом Зверева был гораздо новее и в лучшем состоянии: новенькие нарядные наличники, крыша из красной металлочерепицы. Аккуратный дощатый заборчик и железные ворота с калиткой, а также засыпанный битым кирпичом подъезд к дому не позволяли усомниться в основательности осевшего в этих почти забытых людми местах хозяина.

– Вот и приехали! – радостно сообщил Зверев. Он вылез из машины, отпер ворота и загнал машину в пристроенный к дому бревенчатый гараж. Как и дом, гараж был на кирпичном основании.

– Кирпичи случайно не из церкви брали? – не удержался от ехидного вопроса Тавров.

– Как можно! Очень надеюсь, что храм когда-нибудь восстановим, – невозмутимо отозвался Зверев. – Тогда и деревня оживет! А кирпич я брал с других руин: колхозной фермы. Ее еще в середине девяностых один местный мафиози купил. Начал сносить – вроде собирался себе здесь особняк строить, – да вскоре пристрелили его в разборке. А полуразрушенная ферма вроде как бесхозная осталась, вот весь район и использует ее как дармовую каменоломню. И то верно: не пропадать же добру? А что по этому поводу нам следователь скажет?

– Выморочное имущество переходит к государству, только на хрена эти руины государству нужны? – усмехнулся Скавронов и со вздохом добавил: – Впрочем, как и все это Донце...

* * *

Отдых шел согласно разработанному плану: друг Зверева, писатель из Москвы Оленин, наловил рыбы для ухи, и после короткого отдыха вся компания отправилась в баню. После бани приступили к приготовлению ухи, сопровождая процесс священнодействия пивом под вяленую рыбку. А когда уха подошла к стадии готовности, наступило время «тяжелой артиллерии»: из холодильника появились запотевшие бутылки «Русского стандарта», а из погреба – соленые грузди и малосольные огурчики. Тавров нарезал восхитительной дымовской буже-

нинки, прихваченной из Москвы, – и как раз к моменту исчезновения буженины и первых двух бутылок водки уха «созрела».

Отдав должное еде, Тавров почувствовал непреодолимое желание очутиться, как говорили древние, в объятиях Морфея. Скавронов горячо поддержал его, тем более что короткая нездоровая ночь в поезде с новой силой напомнила о себе. Возникшую потребность в здоровом сне они успешно реализовали в уютном чуланчике, специально предназначенном для дневного отдыха: там веселое летнее солнышко не имело никакой возможности помешать здоровому послеобеденному сну.

* * *

Ближе к вечеру отоспавшиеся гости были готовы к продолжению «активного отдыха». Зверев с гордостью продемонстрировал процесс приготовления печенной в углях рыбы. Предвкушая удовольствие, отдыхающие размялись стопочкой с легкой закуской. И тут ожил телефон Таврова. Звонил Леша.

– Ну, что ты там нарыл? – с нетерпением почти прокричал Тавров.

– Как ни странно, с первого захода нашел всю информацию о вашем любимом оберштурмфюрере, – сообщил Леша, лопааясь от гордости.

– Уже?! Молодец! – искренне похвалил Тавров. Он действительно не ожидал такой оперативности. – И как тебе удалось так быстро?

– Я же сразу сообразил: если Бехера партизаны отправили в Москву, то вся информация о нем должна находиться только в архивах ФСБ, – похвалился смекалкой Леша. – Подключил нужного человека из пресс-службы ФСБ, и вот результат.

– Я восхищен! – сообщил Тавров и потребовал: – Давай выкладывай!

– Заместитель командира опергруппы 2а айнзатцгруппы А оберштурмфюрер СС Бехер действительно в 1943 году попал в плен к партизанам, действовавшим в Порховском районе. На предварительном допросе выяснилось, что до назначения в айнзатцгруппу Бехер работал в 4-м управлении Главного управления имперской безопасности Германии – то есть в гестапо, – причем в отделе, занимавшемся непосредственно контрразведкой. Как человек, располагающий бесценными данными о методах работы вражеской контрразведки, Бехер был переправлен через линию фронта и оказался на Лубянке. Бехер охотно пошел на сотрудничество, а потому конец войны встретил на уютной даче спецобъекта НКВД. После войны надобность в его услугах, естественно, отпала: тут же вспомнили, что он был сотрудником айнзатцгруппы, непосредственно участвовал в карательных операциях и убийствах мирных жителей – короче, по приговору суда в 1947 году он получил десять лет лагерей. Бехер умудрился выжить в суровых условиях ГУЛАГа, в 1955 году был освобожден и отправлен в ФРГ. И тут начинается самое интересное!

Леша сделал многозначительную паузу.

– Леша! Давай короче, у меня роуминг! – взмолился Тавров.

– Можно и короче! – сжалился Леша. – До Западной Германии Бехер недоехал, а осел в Германской Демократической Республике, где долго и успешно консультировал восточногерманскую спецслужбу, известную под названием «штази». Он получил новое имя, Вальтер Бергер, и теплую должность с необременительными обязанностями в одном из министерств. Обзавелся семьей, домом и все такое... Интересно следующее: бывший оберштурмфюрер СС умудрился пережить ГДР. Видимо, после германского «воссоединения» им заинтересовались, и Бергер срочно уехал из Германии. И знаете куда?

– Давай без загадок! – нетерпеливо потребовал Тавров.

– Извольте! – согласился Леша. – В 1992 году Бергер уехал в Россию, в Москву, где его сын Фридрих работал в представительстве одной германской фирмы. Сын приютил отца,

сделал ему вид на жительство в бывшей вражеской стране. Похоже, что старый сотрудник СД, НКВД и «штаци» всерьез опасался преследований со стороны властей объединенной Германии, поэтому спустя полгода Вальтер Бергер чудесным образом стал российским гражданином. Он прожил на московской квартире сына пять лет. В июне 1997 года Вальтер Бергер скончался в своей собственной постели от острой сердечной недостаточности и был похоронен в Москве на немецком Введенском кладбище.

– Ого! – оценил информацию Тавров. – И насколько это соответствует истине? Я имею в виду: откуда известно, что он похоронен в Москве?

– А я как раз сейчас нахожусь возле урны колумбария, на которой имеется надпись «Вальтер Бехер, 1920–1997», – сообщил Леша. – И стою рядом с сыном покойного, Фридрихом Бергером, который готов официально засвидетельствовать сообщенную мне информацию.

* * *

Таврову потребовалось некоторое время, чтобы переварить услышанное. Но на этом новости Леша не окончились.

– И еще, Валерий Иванович, я обнаружил очень любопытный факт. Помните, вы нарисовали мне железный перстень с пентаграммой?

– Разумеется, помню! – хрипло отозвался Тавров, чувствуя, как екнуло сердце.

– Так вот: в материалах порховского СД я обнаружил донос на нашего дорогого оберштурмфюрера СС Бехера. Из доноса следует, что в 1941 году во время проведения «экзекуции» над группой евреев, беженцев из Литвы, скрывавшихся в Порхове, Бехер заметил, что один из них что-то спрятал себе в рот. По приказу Бехера предмет извлекли. Это оказалось, цитирую: «кольцо с печаткой серого металла, на печатке изображена пентаграмма и не поддающиеся идентификации символы». Похоже, это то, что вы искали?

– Хм... похоже, – пробормотал Тавров и спросил: – И что дальше случилось с перстнем?

– Автор доноса утверждает, что Бехер оставил перстень у себя, то есть согласно нацистской терминологии «присвоил подлежащую аризации еврейскую собственность». Это очень серьезное дело: за такое преступление Бехер должен был предстать перед судом СС, и в случае признания виновным ему грозил расстрел, в лучшем случае – предоставление возможности совершить самоубийство. На доносе стоит резолюция начальника порховского СД: «Отправить лично Генеральному комиссару полиции безопасности и СД Генерального округа «Эстония» для принятия решения о расследовании факта хищения». Не знаю пока, было расследование или нет. Чтобы это выяснить, придется поднимать архив полиции безопасности и СД округа «Эстония». Но, очевидно, Бехеру как-то удалось вывернуться и выйти сухим из воды! Я так думаю: если перстень действительно был изготовлен из железа, то он не представлял никакой ценности и потому не подпадал под категорию «подлежащих аризации еврейских ценностей». Но в любом случае буду искать материалы расследования. Пока все!

– Спасибо, Леша! Чуть что еще нароешь по Бехеру, звони в любое время суток!

Тавров положил телефон в карман и встретился с ожидающим взглядом Скавронова. Детектив вкратце пересказал полученную информацию.

– И зачем нам все это нужно? – скептически заметил Скавронов. – Предположим, что в 1942 году Бехер завладел кольцом Соломона. Ну и что? Ведь после этого он его утратил, иначе бы перстень не попал в руки Белисенова.

– Не скажи, Виталик! – не согласился с ним Тавров. – Если мы выясним всех владельцев, начиная с Бехера и кончая отцом Иоанном, то получим возможность выявить лиц, которые в течение этого времени пытались завладеть кольцом Соломона, но это у них не получилось. Точнее, не получалось до недавнего времени... Ход мысли понятен?

– Разумеется! Изучая историю кольца Соломона за последние полвека, вы надеетесь выявить заинтересованных в получении артефакта лиц. Логика в ваших действиях есть, Валерий Иванович! Но вряд ли на этом следует замыкаться, – высказал свои соображения Скавроннов.

– Вот ты и не замыкайся! – поддел его Тавров.

Скавроннов надулся, но детективу было наплевать на его обиды: он почуял след и шел по нему, хотя след казался слишком старым, чтобы сразу вывести к цели.

* * *

Тавров решил выяснить у Зверева все о здешних старожилах и сразу нашел интересную персону.

– Кто у нас тут, кроме колдунов Федоровых, еще проживал? Ну, самый интересный после Федоровых – это, конечно, Гусь!

– Что за гусь? – удивился Тавров.

– Да тут лет десять назад приехал к нам латыш по имени Август Апс. Приехал, купил дом у племянника бабы Фроси и стал жить. Мы, понятно, начали интересоваться: что это его сюда занесло и не есть ли факт его появления в наших краях первой приметой скорого присоединения Порховского района к Латвии? Сам помнишь те времена: Горбачев с Ельциным всю Россию распродали, чтобы своим западным друзьям угодить. А Латвия давно на Пыталовский район претендует, известно... Вот мы и решили, что наши дерьмократы по доброте душевной решили нас дерьмократической Латвии сдать...

– Я все это знаю, – нетерпеливо перебил его Тавров. – Я человек в возрасте, но склерозом не страдаю, потому историю печальных девяностых мне пересказывать не надо. Давай ближе к делу: зачем Апс появился в Донце?

– Он сказал, что партизанил в этих местах, – объяснил Зверев. – В 3-й Ленинградской бригаде. Точно называл командиров, вспомнил однополчан из местных, про которых ни в одной книге не прочитаешь... Ну, наши старухи, что во время войны девчонками были, и всплакнули: ну, как же, может быть, партизан Апс последним был, кто их погибших в боях с фашистами отцов да дядьев видел. И Федун уж на что нелюдимый человек был, а с Августом сошелся – ведь тот старшего Федорова хорошо по партизанскому отряду помнил. Так что приняли его за своего. Имя вот только у него ненашенское, Август, ну, и прозвали его местные «Гусь». А он не обижался: на деревне принято прозвища давать.

– А повидать его можно? – спросил Тавров. – Он не уехал из Донца?

– Никуда не уезжал, – ответил Зверев. – А вот повидать его нельзя. Только могилу. Помер Гусь года три назад, на нашем кладбище похоронили.

– Вот как! – не мог скрыть разочарования Тавров. – А родственники его не приезжали?

– Ну, почему же... Приезжали! Племянник крест на могиле поставил. Да он все и организовал! – отозвался Зверев. – Он ведь, племяш, в Москве живет, оставил мне свой мобильный телефон для связи: дескать, если что с дядей случится, чтобы ему сразу звонили. Дядя ему вместо отца родного, он для него все сделает. И действительно: похороны оплатил, поминки, крест поставил – все честь по чести!

– Ясно, – в раздумье пробормотал Тавров. – Слушай, Егорыч! А телефон этого племяша у тебя остался?

– Да тут вот какая незадача... – замылся Зверев. – Я его номер на обоях записал, так получилось... А в прошлом году ремонт сделал, новые обои поклеил, так что... Если надо, могу поискать: я ведь новые обои поверх старых клеил, так что отдерем аккуратно – и все дела!

– Давай без фанатизма! Обоим драться пока не будем, – с улыбкой отверг предложение Тавров. – Я хотел бы осмотреть дом Федуна. Может, свежим взглядом ухвачу что-нибудь интересное.

– Это хоть сейчас, – предложил Зверев. – Ключи от дома у меня, а наследники пока не нагрянули.

– А что, у Федуна и наследники есть? – удивился Тавров. – Я думал, он холостяк был.

– По паспорту он действительно холостой, – принялся объяснять Зверев. – Только говорили, что в молодости Федун почти весь Союз объездил, сюда приехал только в конце восьмидесятых, когда его отец уж помирать собирался. Так вот, вроде как одно время разыскивали его как злостного алиментщика, чуть ли не пяти женщинам он алименты платить должен! Но как сюда вернулся, то вроде бы со всеми долгами разобрался. Можно узнать у участкового про эти алименты, он должен быть в курсе.

– Узнавали уже, – с досадой махнул рукой Скавронов. – Платил Федоров алименты трем женщинам на пятерых детей. Только слезы там мышинные, а не деньги: Федоров числился в лесном хозяйстве лесником, вот с его зарплаты и вычитали. Откуда у него под конец жизни деньги появились – ума не приложу! Наверное, откладывал на черный день.

– То есть наследников можно ожидать в ближайшее время, – попытокнул Тавров.

– Те, кому он алименты платил, конечно, уведомлены, да вот кому эта халупень в глухомани нужна? – возразил Скавронов, но Зверев с ним не согласился.

– Дом у Федуна хороший, крепкий, еще дореволюционной постройки, а бревна, словно каменные; не осел, лаги не сгнили, подпол сухой... Короче, дачники с удовольствием купят! Так что, если наследнички алиментными копейками не погнушались, то уж дом делить непременно явятся! – уверенно заявил Зверев.

– Ладно, – зевнул Скавронов и предложил: – Давайте, мужики, на боковую. Спать уже охота. Утро вечера мудренее!

* * *

Тавров лег спать в десять часов вечера. В Москве он ложился далеко за полночь, но, невзирая на это, бессонница его не замучила: он уснул почти сразу и проспал до семи утра. Тавров уже забыл, когда вставал в такую рань – благо, пенсия и владение детективным агентством позволяли выбросить будильник, – однако чувствовал себя великолепно. Слегка размявшись во дворе, Тавров вернулся в дом. Зверев уже накрыл стол: яичница с грудинкой и сыром источала немислимый аромат, а от золотистого бока самовара исходило уютное тепло. Сам Зверев пил молоко из стакана. Увидев Таврова, он кивнул на трехлитровую банку и предложил:

– Пей, Валера! Свежайшее, утренняя дойка! Я его уже охладил, а то не каждый парное любит. Пей!

Тавров с удовольствием выпил кружку молока со слоем сливок. Он ничего не имел против продукции Вимм-Билль-Дан, но «Домик в деревне» не жаловал. А настоящее деревенское молочко Тавров пил словно живую воду: жадно и ненасытно. Хотя врачи утверждают, что в его возрасте вредно... Впрочем, зачем нужны доктора в деревенской глуши?!

Пей кристально чистую воду, вкуснейшее молоко, дыши чистейшим воздухом, слушай тишину, и ты поймешь смысл жизни, скрытый в тебе самом.

* * *

После завтрака Тавров напомнил Звереву:

– Как насчет осмотра дома Федорова?

– Да хоть сейчас! Смотреть там особо нечего. Виталик, а ты с нами пойдешь?

Скавронов уже осматривал дом, но пошел снова, явно надеясь, что Тавров «незамысленным» взглядом углядит что-нибудь интересное.

Дом Федоровых, сложенный из толстых темно-коричневых сосновых бревен, казался очень мрачным, несмотря на резные наличники. Излишне мощный для одноэтажного бревенчатого пятистенка фундамент из валунов выползал из-под земли, напоминая остатки некогда грозной крепостной стены, а темные глазницы окон неприветливо смотрели на незваных гостей. Стариной веяло от каждого потемневшего бревна в стене и от каждого замшелого камня фундамента: казалось, что дом олицетворяет собой Вечность – пройдут столетия, а он все так же будет неодобрительно смотреть темными глазницами окон на непрерывно меняющийся мир.

– Н-да... Я примерно так и представлял себе обитель колдунов, – пробормотал Тавров. – Внутри дома, наверное, полно черных котов, сов и летучих мышей?

– Ну, ты даешь! – рассмеялся Зверев. – Обычный дом, только старый очень. Заходи, не бойся!

Обстановка соответствовала внешнему облику: в большой комнате большую часть пространства занимали огромная русская печь и соревнующийся с ней размерами старинный дубовый буфет с большим количеством ящичков, ящичков и дверец. За стеклянными дверками буфета просматривалась незамысловатая посуда из толстого фаянса, среди которой гордо поблескивали благородным светом старинного хрусталя графин и рюмки на толстых ножках. Остальное пространство занимал большой кожаный диван, неведомыми путями попавший сюда из какого-нибудь губернского учреждения, и простой стол из почти черных толстых дубовых плашек. И еще бросалась в глаза торчащая из стены устрашающего вида деревянная когтистая лапа: при ближайшем рассмотрении Тавров понял, что это всего лишь обработанный кусок древесного корня.

– Медвежья лапа, – пробормотал Тавров.

– Что? – переспросил Скавронов.

– В письме отца Иоанна упоминалась деревянная медвежья лапа, – пояснил Тавров. – Похоже, не правда ли?

– Вид суровый, но на медвежью лапу не похоже, – с сомнением заметил Скавронов. – Впрочем, мы ее тоже тщательно осмотрели, никакого тайника не обнаружили. Да и где взяться в бревенчатых стенах тайнику?

Тавров уселся на потертый кожаный диван. Что-то казалось ему странным, и он не сразу понял, что именно. Потом вдруг осенило: на стенах отсутствовали непременно для любого такого дома фотографии хозяев и их родственников.

– И сколько поколений колдунов Федоровых прожили здесь? – спросил он у Зверева.

– Об этом наших старушек спрашивать надо, старожилков деревенских, – ответил Зверев. – Они помнят, если, конечно, от старости не сокрут. А я в этих местах с 1993 года живу, то есть с тех пор, как в отставку вышел. Старика Федорова Ивана Федоровича не застал, но по рассказам деревенских старожилков кое-что знаю. Почитали его за колдуна, но уважали сильно: ведь он всю деревню лечил, отказа никому не было, и подношений за целительство свое не брал. Во время войны по заданию партизан стал старостой, однажды целый отряд карателей в партизанскую засаду заманил – ни один гад от возмездия не ушел! Самого его гестапо арестовало, и семью его тоже. Федорову удалось бежать чуть ли не из петли, а вот семью спасти не смог: так и погибли в фашистском застенке и жена, и дети. После войны новой семьей обзавелся, да только не жили его дети: все мертвенькими рождались. И вдруг привалило счастье: родился Федор. Жена вскоре после родов померла, а сыночек вырос, ушел в армию, а уж после армии – как и большинство деревенских парней, – в Донце не вернулся, поехал в чужие края счастья искать. Говорят, что в конце перестройки этой злосчастной старик Федоров заболел тяжело. Тогда еще колхоз был в наших местах, так председатель, памятуя о партизанских

подвигах Федорова, хотел его в санаторий ветеранский определить: дескать, и уход там достойный, и лечение. Но старик отказался наотрез: сына, говорит, дождусь, а там видно будет. А где же его искать, сына, если он весточку то из одного города пришлет, то из другого? Как в песне поется: «Мой адрес Советский Союз». Но, видать, действительно старик колдуном был: сын вдруг приехал, а на другой день Федоров-старший и помер.

– И как Федор в деревне прижился? – поинтересовался Тавров.

– Да отлично! – заверил Зверев. – Местные к нему по привычке лечиться ходить стали, так он им не хуже старика помогал. Вначале, говорят, участковый к нему придирался. Да тут у него самого дочка сильно так занемогла, что врачи сказали: везите девочку домой помирать, мы ей помочь ничем не сможем, а вот в ваших местах знахарь Федун есть, так на него вся надежда, – вот тут участковый и сам на поклон пришел!

– И помог Федун?

– А то! Взял девочку и велел два месяца носа к нему не казать. А через два месяца та сама домой пришла. Отец ее к врачам в Порхов и в Псков возил, так те только удивлялись и руками разводили. Вот так!

– А в каких отношениях Федун был с Августом Апсом?

– Как в каких? – удивился Зверев. – В хороших, разумеется! Ведь Август вместе с его отцом партизанил, рассказывал о нем сыну, видать. Пожалуй, Август, Гусь наш, единственный был с Федуном на короткой ноге.

Тавров заглянул в спальню за стенку: там стояли всего лишь кровать с никелированной спинкой и потертая незастеленная оттоманка без валиков. Тавров слазил еще в подпол, где увидел одну пустую кадущку, да на чердак, который в отличие от обычных деревенских чердаков был идеально чист, без всяких следов накопленного поколениями хлама. Да, делать в доме Федуна больше нечего.

– Могилы Федоровых покажете? – обратился Тавров к Звереву.

– Да, вот как раз могилы я и не смотрел, – с иронией отозвался Скавронов. Тавров промолчал: он-то знал, что часто мертвые могут рассказать больше живых.

* * *

Кладбище располагалось рядом, на соседнем пригорке. Большинство могил были запущены, от многих остались лишь холмики, и лишь десяток выделялись сравнительно новыми крестами и более или менее ухоженным видом.

Могилы Федуна и его отца были рядом – с одинаковыми крестами, даже цветы одинаковые. Да и таблички на крестах надписывала одна и та же рука: «Федоров Иван Федорович, 07.07.1910 – 09.09.1989», «Федоров Федор Иванович, 02.08.1956 – 05.06.2008».

– А где могилы родителей Федорова-старшего? – спросил Тавров у Зверева. – Ведь и они жили в Донце?

– Вот уж не знаю! – пожал плечами Зверев.

– А могилу Августа показать можете?

– Да вот же она, – указал Зверев на соседнюю могилу.

Крест на могиле был не православный, а католический четырехконцовый «крыж». Тавров несколько раз перечитал надпись, не веря своим глазам.

На табличке было написано: «Вальтер Бехер, 23.09.1908 – 17.05.2005».

Глава 5

– Что за ерунда?! – воскликнул Тавров, обращаясь к стоящему рядом Звереву. – Егорыч! Ты же сказал, что здесь похоронен Август Апс. А на табличке написано, что Вальтер Бехер. Как это?

– Сам ничего не понимаю! – изумился Зверев. – Точно могу сказать: здесь мы Гуся похоронили. А крест уж потом его племянник ставил. А как он ставил, я сам не видел: только могилу показал, и все.

– А племянника случайно не Фридрихом Бергером звали? – осведомился Тавров.

– Я не милиция, документов не спрашивал! – развел руками Зверев.

Тавров достал мобильник и вызвал номер Леша.

– Леша, привет! Слушай, есть очень срочное дело. Свяжись со своим знакомым Фридрихом Бергером и скажи ему следующее: частный детектив Тавров видел на кладбище в селе Донце могилу Августа Апса. Если господин Бергер немедленно не приедет в упомянутое село для беседы с детективом Тавровым, то его ожидают очень крупные неприятности с российскими властями. Понял? Нет, ничего объяснять не буду, просто передай все слово в слово.

Тавров спрятал мобильник в карман и встретился взглядом со Скавроновым.

– Полагаете, Фридрих Бергер под именем Апса похоронил здесь своего отца? – выказал смекалку Скавронов. – Налицо какая-то махинация! Неосторожно вы поступаете, Валерий Иванович! А если Бергер скроется? Надо бы его заранее в федеральный розыск заявить, а то уедет в свою Германию, вытаскивай его потом по линии Интерпола!

Скавронов полез было за мобильником, но Тавров жестом остановил его.

– Не горячись, Виталий! Бергер – законопослушный германский подданный. Если он убил настоящего Августа Апса, а документы убиенного отдал папаше-нацисту, то мы его и из Германии достанем. А если здесь какая-то семейная тайна, так он сам примчится и охотно поведает ее мне, дабы избежать огласки.

– Законопослушному гражданину скрывать нечего! – запальчиво возразил Скавронов.

– Не скажи! – не согласился Тавров. – Если человек не афиширует для посторонних взглядов случайно обнаруженный скелет в семейном шкафу, он еще не преступник. Скорее всего, добропорядочный германский гражданин Фридрих Бергер уважает закон больше, чем среднестатистический гражданин России, но любое уважение имеет разумный предел – точно так же, как и законопослушность.

– Извините, Валерий Иванович, но при всем уважении к вам я позволю себе усомниться в том, что Бергер явится сюда по вашему призыву, – убежденно заявил Скавронов. – Поспорить могу на что угодно!

– На бутылку кизлярского «ОС», – немедленно предложил Тавров.

– Да хоть на ящик! – не испугался Скавронов.

– Заметь, не я это предложил, – поймал его на слове Тавров, протянул руку Скавронову и попросил Зверева: – Егорыч, разбей!

Егорыч ударил ребром ладони по рукопожатию Таврова и Скавронова: спор был официально зафиксирован. Мужчины двинулись по тропинке в сторону деревни. Спустившись с косогоора, Тавров вдруг хлопнул себя по карману и огорченно сообщил:

– Похоже, я ручку обронил, когда впопыхах телефон доставал. Вернусь, поищу!

– Да брось, Валера! Новую купишь, – посоветовал Зверев. – Оленин небось уже уху сварил, пора поспешать!

– Не могу! Все-таки «Паркер», да к тому же подарок близкого человека! – вздохнул Тавров и развернулся обратно. Ручку ему действительно подарила Ленора Павловна. – Вы идите, не задерживайтесь! Я вас догоню.

Поднявшись к кладбищу, детектив увидел возле могилы Бехера какого-то человека. Тот стоял спиной к Таврову и не видел его, а Тавров не мог рассмотреть лица незнакомца – только длинные седые волосы, ниспадающие на воротник светлого летнего плаща. Незнакомец сделал движение, Тавров услышал характерный звук, имитирующий в цифровых фотоаппаратах срабатывание затвора: похоже, тот фотографировал могилу. Уж не Фридрих ли это Бергер? Нет, судя по седине, незнакомцу далеко за шестьдесят. Может, родственник из Германии? Тавров приблизился к мужчине метров на десять, но тот не слышал его шагов. Детектив кашлянул и сказал:

– Прошу прощения, я...

Договорить ему не удалось. Незнакомец резко обернулся, и Тавров с удивлением сообразил, что вроде где-то уже видел старика в плаще. Теперь детектив ясно понял, что имеет дело с пожилым мужчиной лет семидесяти. Мельком глянув на Таврова, старик вдруг с неожиданной прытью помчался от кладбища в сторону леса.

– Подождите! – крикнул ему обескураженный сыщик, но незнакомец даже и не подумал остановиться. Он быстро добежал до леса и исчез.

– Вот спринтер, блин! – с досадой сплюнул Тавров. Он спустился к лесу и обследовал то место, где скрылся в зарослях незнакомец. Детектив надеялся, что старик во время поспешного бегства что-нибудь выронил ненароком, но ничего обнаружить не удалось. Сыщик разочарованно вздохнул и заспешил в деревню.

* * *

Оленин действительно уже сварил уху, накрыл на стол, и вся компания успела «махнуть по первой». Припозднившегося Таврова заставили выпить «штрафную».

– Мужики! Да я так сопьюсь! – взмолился Тавров.

– Под такую уху?! Спиться?! – поразился Зверев. – Не выдумывай! Вспомни, что классик говорил. «Дни Турбиных» Булгакова: как можно есть уху, если не пьешь водку?!

– Вообще-то речь шла о селедке, – вспомнил детектив, но Зверева нелегко было смутить.

– Селедка тоже рыба! – безапелляционно заявил он. Аналогия сомнительная, но вот опровергнуть утверждение сложно. Тавров спорить не стал, покорно принял «штрафную» и накинул на уху.

– А что задержались так, Валерий Иванович? – поинтересовался наконец Скавронов.

Тавров вкратце описал встречу с незнакомцем.

– Лицо показалось вам знакомым? – внимательно посмотрел на него Скавронов. – Не вспомнили, где его видели?

– Я же говорю: показалось! – пояснил Тавров. – Он очень похож на Вольфа Мессинга.

– На кого? – не понял Скавронов. Что делать: сравнительно юный возраст не позволял ему посещать некогда популярные выступления знаменитого экстрасенса, да и кругозор недостаточно широк, поэтому имя колдуна было ему неизвестно.

– Вот темнота! – осуждающе воскликнул Зверев. – Эх, молодежь! До чего дожили?! Мессинга не знают!

– А вы уверены, что он фотографировал могилу Бехера? – спросил Оленин. – Ну и даже если фотографировал – что в этом странного? Возможно, просто любитель сельских кладбищ, коллекционирует фотографии занятных сельских могил... обратила внимание свежая могила немца в русской глуши, решил снять на память. А тут вы. Человек подумал, что вы родственник покойного, и решил скрыться от греха подальше. Разве не убедительное объяснение?

– Объяснить при желании можно почти все, – проворчал Тавров. – Что нельзя убедительно, то можно доходчиво.

– Это как? – удивился Оленин. – Разве «объяснить убедительно» – не одно и то же, что «объяснить доходчиво»?

– Разумеется, нет! – вмешался Зверев. – Вот мне батя в детстве убедительно, на исторических примерах и трудах философов, обосновал неизбежность победы коммунизма. Сейчас я в этой неизбежности сомневаюсь – но доводы отца были очень убедительны! А вот когда я из камеры отцовского велосипеда вырезал резину для рогатки, так тут отец объяснял мне уже доходчиво, что такие вещи делать нельзя, причем без всяких исторических примеров и философии: всыпал ремнем по первое число! Как тогда дед прокомментировал: «От задних ворот до ума шибчей дойдет». Так что разница есть!

Все рассмеялись, затем Тавров сказал:

– Меня больше интересует не убедительность объяснений, а реальность фактов. Зачем он фотографировал могилу и почему бросился со всех ног от меня, этого сейчас не понять. А вот почему побежал к лесу? Куда попадешь, если идти через лес?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.